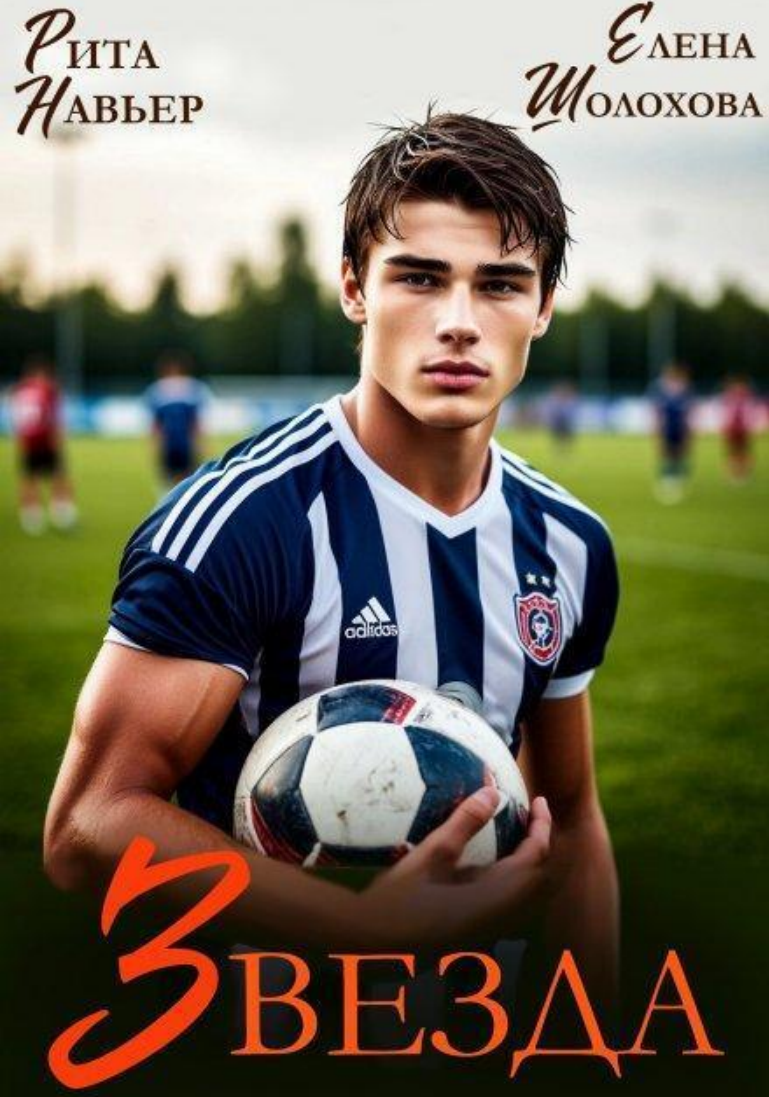

РИТА
НАВЬЕР

ЕЛЕНА
МОЛОХОВА

A young man with dark hair and a serious expression is the central figure. He is wearing a dark blue and white striped Argentina national football team jersey, featuring the Adidas logo and the Argentine crest. He is holding a white and blue soccer ball with both hands in front of his chest. The background is a blurred green soccer field with other players in the distance under a soft, overcast sky.

ЗВЕЗДА

Елена Шолохова

Рита Навьер

Звезда

<https://litres.ru/74311039>

Аннотация

У Олега было всё, о чём может мечтать семнадцатилетний парень: признание сверстников, друзья, первая красавица класса – его девушка... и, конечно, футбол, где ему прочили блестящее будущее. Но череда непредвиденных событий полностью изменили его жизнь, и из "звезды" в одночасье он становится изгоем...

Содержание

1	5
2	9
3	15
4	20
5	27
6	34
7	42
8	49
9	54
10	59
11	66
12	70
13	74
14	79
15	86
16	90
17	94
18	99
19	105
20	110
21	117
22	123
23	130

24	133
25	138
26	146
27	151
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Очередное воскресенье коту под хвост!

С утра мать снарядила ехать в деревню, помогать деду с картошкой. Чёрт бы побрал эту картошку вместе с дедом.

- Чего мы с ним возимся? – возмущаюсь я всякий раз. – Он нам никто! А ты его вообще терпеть не можешь.

- Тебе он дедушка, - как обычно возражает мать на «никто», по поводу «терпеть не можешь» тактично отмалчивается. Ещё бы! Она ведь у нас сама честность.

- Мам, ну ты как маленькая. Ещё папочкой его назови.

- Мы должны ему помогать просто потому, что он старый и больной. И, кроме нас, у него никого нет.

Спорить с матерью бесполезно. Откажешься ехать – потащится сама. В прошлом году так оно и было – я взбрыкнул и наотрез отказался ехать в деревню. Мать настаивать не стала, потом лежала на диване ни живая, ни мертвая от усталости. Так что уж лучше десять раз отпахать там, чем один вечер прятать глаза от стыда и слышать её стоны.

- Странная ты, мам, – удивляюсь ей. – Он вас с бабушкой бросил. И не помогал совсем. Где сейчас те бабы, на которых он вас променял? Вот пусть они и ковыряются в его огороде. А то всю жизнь где-то гулял, а тут свалился на голову – нате, любите.

Её так называемый папаша на самом деле сгинул сорок

лет назад с их горизонта. Мол, он – птица вольная, а пеленки и горшки не для него. Так бабушка рассказывала. А потом – та-дам – появился. Типа одумался и решил вернуться в лоно семьи. Бабушка так и прожила всю жизнь в деревне, так что это лоно даже искать не пришлось. Не знаю, что он там ей наплёл, да только она приняла его. После сорока-то лет!

Когда мы приезжали к бабушке, мать притворялась, что вообще его не замечает, на его "доча" не реагировала. И тогда я её как раз понимал – какая, к чёрту, доча? Пока сам справлялся, так никакой дочи не надо было, а как старость припёрла, так сразу вспомнил. Бабушка тоже это понимала, но оправдывалась, что одной в её возрасте тяжко, да и по хозяйству помощь. Помогать он, естественно, не особо рвался. Он же у нас «птица».

А потом бабушка умерла, и, казалось, забыть бы его, пусть как хочет, так живёт. Но нет, в матери вдруг взыграли принципы и чувство долга перед родителем.

Порой я подозреваю, что высокие мотивы – лишь прикрытие, а на деле она просто боится, что о ней скажут люди... Хотя, с другой стороны, мать с таким неподдельным пылом твердит о долге и прочей чепухе, что невольно веришь в её искренность. Вот и сейчас:

- Кто не совершает ошибок? Надо уметь прощать и быть выше...

- Да перестань уже! Это не ошибка, а предательство. Предательство прощать нельзя!

Этот спор можно вести до бесконечности, результат всё равно один: мы должны и точка. От этого «должны» у меня внутри всё клокотало, я-то уж точно никому ничего не должен, тем более деду, и если выполняю просьбы матери, то только из жалости к ней.

С отцом проще, он тоже считает, что у матери бзик, но давно смирился и с ним, и с другими её странностями. Да и чего отцу возмущаться? В конце концов, не ему же надрываться в выходные. Да и некогда ему вникать в наши перепалки: он у нас человек важный, занятой, большая шишка, весь в разъездах, встречах, совещаниях.

Я даже подумывал приплатить местным забулдыгам, чтоб те вместо меня вкалывали. И оправдание нашёл вполне уважительное: отдохнуть перед тренировкой. Сунул к отцу за деньгами, тот согласился, достал портмоне, но... мать услышала, влетела в отцовский кабинет, багровая, жила на лбу вздулась, аж смотреть страшно.

- Раз так, сама поеду!

Нет, ей как будто надо не папашу своего заблудшего на зиму картошкой затарить, а меня укатать! А у нас ведь и вправду по понедельникам тренировки. И там не пофилонишь, потому что тренеру плевать, что ты накануне делал: прохладился или вкалывал. Заметит, что ты не слишком бодрый и резвый, вообще с тебя не слезет. Или, наоборот, выгонит под трёхэтажный мат, что ещё хуже, во всяком случае, позорнее.

Но отец, двурушник, тут же сдал позиции:

- Давай, Олег! Для такого здоровяка как ты это пустяки.

Дед встречал меня у калитки. На косматой башке – плоская как блин кепка. Ватные штаны заправлены в кирзачи. Поверх замызганной рубахи бабушкина вязаная кофта.

- Пол-литру привёз?

- Обойдёшься, – буркнул я.

- Э-эх, – дед махнул рукой и заковылял в дом.

А я без лишних прелюдий сразу принялся за работу. Раньше начну - быстрее закончу. Но всё равно провозился до вечера, чуть на электричку не опоздал. Пришлось до станции припустить бегом, но успел-таки.

В полупустом вагоне под мерный стук колес почти сразу задремал. Даже сон какой-то успел посмотреть. Так бы и проспал до города, это не страшно – конечная. Но тут кто-то ткнул в плечо, раз, другой. Спросонья сразу и не сообразил, где я, мотнул головой, стряхивая оцепенение.

Тыкали со спины, робко, неуверенно. Оглянулся – пацан. По виду ровесник или чуть младше, только доходяга совсем. Субтильный такой. Волосы светлые, почти белые, и брови белёсые, а глаза круглые, встревоженные. Прямо пугливая мышка-альбинос.

- Чего тебе? – недовольно спросил я.

- Вон тот парень в серой кожанке, видите, что по проходу идёт? Он у вас что-то вытащил ... бумажник, кажется.

Похлопал по карманам – и точно, бумажника как не было.

- Ах ты ж, сука...

Подскочил и ринулся вслед за серой кожанкой. Настиг его уже в тамбуре. Тип оказался с виду лет на пять старше, но мелковат, еле до плеча мне дотягивал. В одной руке он держал пластиковую бутылку с водой.

Я схватил его за локоть, развернул и без разговора врезал под дых. Удар получился резкий, но не сильный, видать, ещё не отошёл от сна. Однако карманника согнуло пополам. Бутылка упала на пол и покатилась. Не давая ему опомниться, тут же ухватил за ворот серой куртки, дёрнул вниз и приложил коленом, да опять как-то неудачно, вскользь по косой, но тот всё равно заскулил, приподняв ладони, мол, «сдаюсь».

- Всё, всё, всё, понял-понял. Прости, брат, попутал. Ща всё верну.

Нырнул рукой за пазуху, пошарил, кряхтя. Я напрягся, приготовился – на случай, если тот вдруг вздумает чудить: ножичек достанет или ещё какой фортель выкинет. Но в следующий миг он уже протягивал мне коричневое кожаное портмоне с логотипом Bentley. Рука у него тряслась, прямо ходуном ходила.

«Нарк», - понял я и, безгловато сморщившись, выдернул бумажник. Хотел было на посошок ещё раз двинуть с ноги, но дверь тамбура приоткрылась. Несмело, бочком всунулся тот самый бдительный белёсый пацанёнок.

- Всё нормально? А то я думал... ну всякое бывает... вдруг у него нож...

Надо же! А говорят, что все чёрствые стали, всем друг на друга плевать.

- Нет у меня никакого ножа, - загнусавил нарик. – Мне просто на лекарство срочно надо. Слышь, брат, я ж тебе всё вернул, одолжи полтинник, а? На лекарство!

- Да ты борзый, - вскипел я. – А ну дёрнул отсюда, пока я тебе опять не ввалил.

Горе-карманник решил не испытывать судьбу и тотчас скрылся, даже про бутылку свою забыл, которая так и перекатывалась по полу туда-сюда.

- Куришь? – я протянул пацану «Bond» и сам выудил сигаретку – ещё с утра на всякий случай подрезал одну пачку из блока в дедовской посылке, которую ему мать со мной отправила.

- Не, - тот замотал головой.

И тут же испуганно вскинул глаза: не обидел ли отказом. Вот смешной!

- Я тоже не курю. Почти, - хмыкнул я. - Ну так, изредка. Нас тренер за курево дрючит жёстко. Но на то они и правила, чтоб их время от времени нарушать, верно?

Белобрысый кивнул и робко улыбнулся.

- Тебя как звать-то?

- Максим.

- Макс, значит. А я – Олег, - я протянул ему руку.

Тот вяло пожал. Ладонь у него была холодная и влажная. Я еле сдержался, чтобы не обтереть руку о джинсы.

Парень мялся, конфузился, но не уходил, топтался рядом. Может, чего-то хотел? Я сделал две затяжки и затушил сигарету.

- Ты вообще откуда и куда?

- Я до конечки. До города. К бабушке ездил.

- А я к дедушке, - хмыкнул я.

Пацан сдержанно улыбнулся.

- Ты сам откуда? – спросил я, хотя, если честно, мне было абсолютно плевать, просто не знал, о чем ещё с ним разговаривать. Он же стоял рядом, не уходил.

- В Октябрьском живу, рядом с метеостанцией.

- Ого! Так мы почти соседи, я тоже в Октябрьском. Только на «Баргузине». А учишься в какой школе?

- В сорок восьмой.

- Знаю такую, от нас недалеко, а я – в двенадцатой.

Опять повисла пауза. Я с тоской взглянул на часы – до города ещё четверть часа, не меньше, а этот Макс прямо приклеился.

Тут позвонила Инга Марченко – моя как бы подруга. Как бы – потому что раньше, в том году, у нас с ней было всё определённо, ну там, любовь-морковь, лирика-романтика. Она – моя девушка, я – её парень. Везде тусили вместе. Но потом как-то всё прискучило, стало сходить на нет, и теперь мне с ней тоскливо так, что зубы сводит.

Ещё с мая я подумывал о том, как бы нам разбежаться без шума и пыли, но в лоб сказать никак не могу решиться, а обходными путями не получается.

Идеальный вариант, чтобы она обиделась и сама меня бросила. Ну или поругаться и не помириться... Но вот ведь фокус: когда я боялся с ней поссориться, она обижалась на каждом шагу, зато теперь – как отрезало. На все мои выходки смотрит сквозь пальцы. Раньше, помнится, попробуй-ка не позвони хоть один день – замучаешься извиняться потом. Сейчас, если наберу её раз в неделю, и то хорошо. Чёрт, она не злится, даже если сама звонит, а я не отвечаю и не перезваниваю! И при встрече вся такая милая и покладистая, как будто её подменили.

Впрочем, на этот раз Инга была как нельзя кстати: не то чтобы я жаждал с ней потрепаться, но она избавила меня от неловкого молчания с этим чудиком. Так что я до самого города слушал последние сплетни и вполне правдоподобно выражал интерес.

На перрон вышли вместе с белобрысым, но я, сославшись на то, что мне надо заехать ещё в «одно место», урулил в противоположную сторону. Выждал, когда тот сядет в маршрутку, и только потом сам подошёл к остановке. Не могу сказать, зачем мне понадобились все эти лишние телодвижения, к тому же устал, хоть падай, но так хотелось стряхнуть с хвоста этого пацана, а открыто послать совесть не позволяла.

Вообще-то, я человек общительный, но не всегда и не со всеми. Сейчас – и настроение не то, и пацан этот, прямо скажем, не из тех, с кем хочется общаться. Видал я таких, чувствительных, застенчивых и ранимых. Запросто с ними не потреплешься, а думать о чужих переживаниях, слова и тон подбирать – оно мне надо?

Дома снова вышла ссора: мать привязалась ко мне с дедом – как там он, жив, здоров?

- Ой, мам, что с ним станет? Паразиты живут дольше всех.

- Не смей так говорить! – вспыхнула она. – Ты сам ещё полный ноль, чтобы вот так судить о людях!

- Ах полный ноль?! – теперь пришла моя очередь встать в позу. – Я, блин, в единственный выходной тащусь к мерзкому старику, который мне никто, что бы ты там ни говорила. Весь день пашу, как конь, и хоть бы кто спасибо сказал. Приезжаю, умотанный вконец, домой, к маме. А она, вместо того чтобы спросить, как сын себя чувствует, покормить, в конце концов, начинает выносить мозг. Спасибо, мама! Я ещё молчу, что у меня завтра тренировка...

У матери целый чемодан принципов, и она таскается с ними и достаёт окружающих. Особенно меня. Говорит, что принципы – это опора, ну или там стержень. На самом деле всё это бред и пафос.

К счастью, после моей пылкой речи она сразу сбавила обороты:

- Ты прав. Сейчас я тебя накормлю.

После ужина меня больше не трогали, а пары я выпустил в «Call of Duty».

Лёг спать рано и уснул мигом, но ночь выдалась кошмар-

ная.

Во-первых, нас опять трясло, хоть и слабенько, но уже третий раз с лета. Вообще-то, потряхивает нас регулярно – сейсмическая зона и всё такое. К счастью, эпицентр на Байкале, и до нас только отголоски докатываются, так что мы почти привыкли. Но всякий раз внутренне напрягаешься. Мало ли...

Тем более ночью, в тишине, все эти колебания очень даже ощутимы. Диван подо мной завибрировал, хрустальные висяльки в люстре зазвенели, что-то грохнуло на пол, а во дворе все тачки враз заголосили. Горстка перепуганных идиотов высыпала на улицу, подняла гвалт.

Ко мне сунулась было мать, но я, заслышав её шаги в коридоре, повернулся лицом к стене, будто сплю и ничего не чувствую. Не хотел с ней разговаривать. Она постояла, вздохнула и ушла.

Постепенно всё стихло. Самые нервные тоже утомонились и разбрелись по домам. Я опять провалился в сон, но тут позвонили на домашний.

Это отца вызвали на работу. Оказалось, что на одном из участков ближе к Забайкалью случилась крупная авария.

Мать сразу в панику ударилась, потому что, если была бы рядовая авария, тревожить, да ещё ночью, его бы не стали. А раз вызвали, то всё плохо...

- Лишь бы никто не пострадал, - причитала мать.

Её переживания, вообще-то, не на пустом месте – в про-

шлом году в бурятском филиале отцовской компании во время аварии пострадал какой-то мужик. Сорвался с вышки и сильно покалечился. Чудом остался жив, но директора бурятского филиала за это чепэ изрядно помотали. Посадить не посадили, но условный впаили и с должности скинули.

Потом вообще из их головного офиса пришла разнарядка объединить бурятский филиал с иркутским, которым вот уже несколько лет руководит отец.

Буряты на отца обозлились, будто это он всё устроил и подмял их под себя. На самом деле от этого объединения он нажил только лишнюю головную боль. Ответственности в два раза больше, плюс постоянные разъезды да новые работнички, которые на него как на узурпатора смотрят. Ведь и сейчас не где-нибудь авария, а в богом забытом Турунтаеве.

Мать чуть не всхлипывала. Отец хоть и выглядел встревоженным, но старался её успокоить.

- Да перестань изводить себя. Если бы случилось что-то из ряда вон, так бы сразу и сказали.

Но мать не унималась:

- У меня нехорошие предчувствия.

Через полчаса за отцом заехал его водитель, дядя Юра.

- Ты только сразу позвони! – крикнула мать вслед.

А когда закрыла за ним дверь, в квартире как-то вдруг стало уютно тихо.

То ли от матери передалась тревога, то ли я сам себя накрутил, но на сердце засвербело. Какой уж тут сон!

Зато когда пришла пора вставать, так душу бы отдал за лишний час в кровати. Голова чугунная, в глаза будто пес-ка насыпали. Пробовал выторговать у матери хоть самую ма-лость:

- Мам, можно я ко второму уроку пойду? Я вообще ни-фига не выспался.

Но она только заохала, мол, как так, что за отношение к учёбе, да кто из меня вырастет и всё в таком духе. Пришлось вставать. С закрытыми глазами доплёлся до ванной, ополос-нул лицо и вдруг вспомнил про отца – сон как рукой сняло.

- Мам, отец звонил? – крикнул ей, высунув голову в ко-ридор.

Она молчала. Пришёл на кухню – стоит, смотрит в окно, занавеску тербит.

- Не звонил, значит. Ну сама его набери.

- Уже, - глухо сказала мать. – Недоступен. И Юра тоже.

- Ну, значит, связи нет.

- Они уже должны были доехать! – воскликнула она.

- Да мало ли что! Может, просто медленно ехали, ты же знаешь, там за Байкалом сплошные серпантины. Мам, да успокойся ты! Чего раньше времени убиваться?

Неожиданно мать встряхнулась и взяла в себя в руки:

- Да, Олежек, ты прав. Всё, я в порядке, иди, а то в школу опоздаешь.

Я уж промолчал, только мысленно хмыкнул. Даже если

опоздаю – подумаешь, несчастье.

Ещё издали я заметил, что у школы толпились люди. Для обычных опоздавших – чересчур много. Глянул на часы – четверть девятого. Странно...

Подгоняемый любопытством, я ускорился. Между тем народ всё прибывал. Митинг? В честь чего? Общешкольное собрание? Опять же, по какому такому поводу? И почему на улице?

Уже на подходе увидел, что во двор высыпала вообще вся школа. Шпана взбудораженно галдела. Учителя озабоченно перешёптывались. Я выискал наших:

Поздоровался с пацанами, кивнул девчонкам, потом спросил:

- А вы чего здесь все выстроились?

- Землетрясение ночью было, слышал? – спросил Серёга Шевкунов.

- Ну и?

И наши наперебой заголосили:

- Из-за него стена в школе обрушилась!

- Не обрушилась, а треснула, но порядком!

- Частично обрушилась!

- А ты видела?

- Не видела! Слышала, как директор звонил и кому-то говорил.

- И что теперь?

- Во дворе учиться будем!

Мы потолкались ещё немного, а потом нас распустили по домам.

Мы с Серёгой Шевкуновым двинули к нему, потому что домой мне вообще не хотелось. Там мать, а когда она нервничает или злится, в радиусе тридцати метров вокруг неё реально нечем дышать.

Я, конечно, тоже беспокоился за отца, но чего сходить с ума заранее? Пока ведь ничего не известно. Да и времени не так уж много прошло. А слушать её причитания и с сочувственным видом раз за разом повторять «Всё будет хорошо» мне как-то совсем не улыбалось.

Так что я решил отсидеться у Серёги.

- Вы что, с Марченко опять вместе? – спросил Серёга как бы между прочим, наливая чай.

С Серёгой мы дружим со второго класса. В детстве вместе гоняли мяч во дворе, потом записались в секцию футбола. Отзанимались шесть лет. Потом меня позвали в местный футбольный клуб, в юношеский состав. Само собой, я согласился – кто бы такой шанс упустил. А вот Серёгу в клуб не взяли, и секцию он тоже бросил.

- Так что? Вы помирились? – повторил Серёга свой вопрос с показным равнодушием. Хотя я давно просёк, что он на неё запал.

Причём раньше Серёга её в упор не замечал, а как толь-

ко мы с ней стали встречаться, так и у него сразу интерес проснулся. Правда, он до сих пор отнекивается, но я-то знаю. Иногда даже пытаюсь его троллить, чтоб раскололся быстрее. Рассказываю всякие личные подробности, короче, дразню, а сам наблюдаю за реакцией. Но Серёга не поддаётся на провокации, отмалчивается, только лицо каменеет. Зато уши сдают его с головой – краснеют влёт.

- С чего ты взял? – усмехнулся я.

Всё-таки эти его потуги: деланно невозмутимая мина и якобы беззаботный тон – такой неумелый театр.

- Да девчонки утром болтали. Пока ты не пришёл.

- Да не, я просто потрепался с ней от нечего делать. Не знаю, чего там она себе напридумывала.

Серёга довольно долго молчал, потом выдал:

- Да потому что тебе давно пора объясниться с ней.

- У меня другая тактика. Я действую методом пассивного отдаления. Никакой инициативы с моей стороны, разговоры только на общие темы, ничего личного. Да мы уже с Ингой не целовались чёрт знает сколько времени! Даже когда она сама лезет...

- Ерунда какая-то, а не тактика. Даже не ерунда, а попросту свинство. Серьёзно. Не хочешь больше с ней встречаться, так и скажи. Нафига ты ей мозги паришь?

Легко ему советы давать – сам бы попробовал взять и сказать человеку, что он тебе больше не нужен. Я, может, и скотина, но не бессердечная. Мне её тупо жаль. К тому же для

девочек так важно, чтобы они бросили, а не их. Ну вот я и жду, когда она меня бросит.

Я возмутился:

- Ого! Как мы заговорили! Ты чего, Серый, меня лечить вздумал? Не припомню, чтоб я твоего мнения спрашивал. А-а! Понял-понял. Я пошлю Марченко к чёрту, а ты тут как тут с утешениями и типа дружеской поддержкой, да? Ну а что, неплохой расчёт. Брошенную подобрать проще...

- Чушь! - Серёга вспыхнул.

- А то я не знаю, что ты сам с ней замутить не прочь. Только очкуешь к ней подойти.

- Вот кто очкует, так это ты. Иначе бы давно с ней поговорил.

Тут я психанул.

- Ну ладно! Давай посмотрим, кто из нас очкует! Спорим? Шевкунов молчал.

- Что, слился?

- Ничего я не слился!

- Тогда давай забьёмся, - я протянул ему пятерню. - Сначала я с ней поговорю, потом - ты. И оба скажем ей правду.

Серёга помялся, но спор принял.

Я набрал номер Инги. Длинные гудки. И ведь правда в душе всё задрожало, противно так. Даже мысль пронеслась: «Хоть бы она не ответила!». Но после третьего гудка послышалось елейное:

- Да, Олежек.

Внутри всё сжалось. Пусть она мне и не нравится уже, но так трудно делать ей больно. Хотелось плюнуть на этот дурацкий спор и сбросить, но это означало бы спасовать перед Шевкуновым, разве нет? А я не привык проигрывать, даже в мелочах.

- Инга, между нами всё кончено, - выдавил я совершенно чужим, каким-то скрипучим голосом.

- Чего? – взвилась моя теперь уже официально экс-подруга. – Ты что, меня бросаешь?

- Да, прости, - ответил я чуть бодрее и отключил телефон. Фуф... Сам не ожидал, но будто гора с плеч упала. Что ж, спасибо Шевкунову.

- Ну что? Доволен? Давай и ты покажи, какой ты у нас бравый.

Серёга молчал, смотрел куда-то в сторону и хмурился.

- Чего заглох-то? Признай тогда, что продул...

- Да пошёл ты! - вдруг окрысился Серёга. – Хочешь знать правду? Хорошо. Да, она мне нравится! И давно. Почему не подходил? Потому что ты с ней встречался. Девушка друга - это табу. И поговорить я тебя просил не для себя, а для неё. Так что не думай, что я тут же побегу подбирать за тобой, как ты выразился. Мне просто не нравилось, что ты её дуройставляешь. Ты всем вокруг растрепал, что не хочешь быть с Ингой, а ей самой – ни слова. Сегодня утром, когда она рассказывала, ну про тебя, про вас, над ней все смеялись, как только она отвернулась. И в этом виноват ты.

- И кому это я растрепал? - возмутился я. - Только тебе и сказал. А, ну ещё Костяну Забровину тогда...

- Ну считай, что всем. А должен был сначала ей всё сказать. И даже сейчас ты поговорил с ней только из-за нашего спора. Да какой там поговорил! Брякнул и тут же вырубил мобильник, чтоб, не дай бог, она не перезвонила.

Серёга был как одержимый. Глаза округлились, вот-вот из орбит полезут. Не только уши, всё лицо пошло пунцовыми пятнами.

- А ты хотел, чтобы я ей слёзки утирал?

- Я хотел, чтобы ты нормально с ней расстался. Как люди делают.

- А ты-то знаешь, как люди делают? У тебя и подруги-то не было ни разу, о чём вообще ты мне втираешь?

- Да при чём тут было - не было? Тебе в принципе на людей пофиг. На всех. Ты только о себе печёшься. Чтоб только тебе было удобно.

Вот это уж совсем перебор! Понесли ботинки Митю!

- Знаешь что, мать Тереза, иди-ка ты нах*р...

Я развернулся и вылетел из комнаты. Натянул кроссовки, схватил сумку. Шевкунов даже не вышел в прихожую. А я со злости даже не стал прикрывать за собой входную дверь, так и оставил нараспашку.

Вот это друг! Ничего не скажешь. Ладно, проживу и без него, решил я. Нужен он мне больно. В конце концов, кто

ОН И КТО Я!

Хочешь не хочешь, а пришлось тащиться домой и торчать там вдвоём с матерью полдня. Хорошо хоть, к четырём надо было на стадион.

Мать вся извелась. То столбом стояла у окна, то металась по комнате. Я уж и сам набирал отца – действительно недоступен.

Её нервозность передалась и мне. Сразу в голову полезли дурные мысли. А вдруг дядя Юра не справился с управлением? Вдруг авария?

Вбил в поисковик: «сегодня ночью авария Турунтаево», «авария Баргузинский тракт», «авария Прибайкалье», но ничего по делу не нашёл. Затем матери позвонила жена дяди Юры, и тут уж они дуэтом принялись охать и всхлипывать. Просто караул! Еле дотянул до трёх и сбежал на тренировку.

Пал Палыч, тренер, гонял нас сегодня с особым рвением. Круг за кругом. Чуть замедлишь бег, сразу:

- Решетников, опять сачкуешь!

А я, как назло, совсем расклеился. Полдня вроде бодрый был, а тут вдруг сказался и недосып, и вчерашняя картошка. Ноги как ватные, и реакции – ноль. Еле до конца тренировки продержался. Даже в душ шёл через не могу.

Зато дома всё наладилось. Отец вышел на связь. Оказывается, у них машина в пути заглохла, а телефоны там не лови-

ли. На что, мать, конечно, сразу же нашла тысячу способов, как можно было бы связаться и доложить обстановку. Отцу осталось лишь извиниться, что сам не додумался. Впрочем, сердилась она недолго. Радость, что всё обошлось, в итоге перевесила.

Я тоже перебросился парой фраз с отцом. Рассказал ему про трещину в школе, однако он никак не отреагировал, пробормотал в ответ что-то невнятное. Да и вообще тон у него был какой-то напряжённый. Хотя понять можно – авария всё-таки, возни, поди, выше крыши.

- Что там у вас в школе случилось? – забеспокоилась мать, уловившая краем уха обрывки фраз.

- Стена в холле не то треснула, не то посыпалась, не знаю точно. И в школу нас сегодня не пустили.

- Вот как? И что теперь? Как же учёба? – мать заговорила возмущённо, будто я это устроил.

- Откуда я знаю?! Там комиссия какая-то. Скажут, наверное.

- А нам ждать? А я гляжу, ты даже не переживаешь! Ничего, что у тебя ЕГЭ на носу? Что тебе поступать?

- Ну а я-то что сделаю? Или мне что, плакать? Чего ты ко мне цепляешься по любому поводу? - огрызнулся я. – Сама чуть что устраиваешь трагедию, ещё и мне прикажешь? Чтoб мы вместе сокрушались над каждой мелочью, стонали, рыдали и носы друг другу подтирали? Это без меня! Я в твоём дурдоме участвовать не собираюсь.

- А было бы неплохо, если бы ты хоть иногда переживал за кого-нибудь, а не только за себя, - сказала мать и вышла с видом оскорблённого достоинства.

Нет, в самом деле, они что, сговорились все сегодня мораль мне читать?! То я о других не думаю, то ни о ком не переживаю. Достали!

В довесок ещё и от Инги пришло на почту сообщение:
«Олег, ты – трус и сволочь! В глаза сказать смелости не хватило? Я тебя ненавижу. Нет, ненависть для тебя — это слишком. Я тебя презираю».

Неприятно, конечно, но, в принципе, нечто подобное я и ожидал. Не удивлюсь, если это её послание не последнее. На всякий случай пометил письмо как спам и удалил.

Мать обиделась и больше ко мне в комнату не заглядывала. Вообще, по-моему, за весь вечер не показывалась из их спальни. Даже ужинать не звала, самому пришлось искать в холодильнике.

Сперва было не по себе, как-то негладко на душе. Мать всё-таки... Но поразмыслив, решил, что так даже к лучшему. Пусть себе дуется, зато ко мне не пристаёт, а то правда весь мозг исклевала своими нравоучениями.

Утром продрых чуть не до обеда. Мать так и не трогала меня, хотя обычно если уж она проснулась, то больше никто не имеет права спать.

Я прошлёпал в ванную, оттуда – на кухню. На плите томилась каша. Овсяная! Фу-у. Нырнул в холодильник, накро-

сал колбасы и хлеба. Всё ждал, что придёт и снова заведёт свою пластинку про вредную и полезную пищу, но нет, не стала. Ясно: всё ещё в обиде. Ну и ладно, мне же проще, свободнее.

На тренировке Пал Палыч опять зверствовал, хорошо, хоть гонял всех, не меня одного. Зато под конец огорошил:

- Слушайте сюда, хлопцы. В среду, то есть завтра, тренировка отменяется, зато в четверг будет игра с «Химиком». Вместо Решетникова нападающим – Богатырёв. Решетников сидит на банке*.

Конечно, меня это задело. Ещё как. Правда когда наш бесменный голкипер Валера Ледогоров заметил: «Что-то Палыч тебя эти дни гнобит», я равнодушно пожал плечами:

- Ну и пусть. Пофиг.

Палыч у нас вообще с заскоком. То я у него с газонокосилкой гоняю по стадиону, то в запасе просиживаю, то, наоборот, из игры в игру меня выставляет. Нет, в последние месяцы он всегда меня включал в основной состав команды. Ну и если быть честным, то по большому счёту я почти все игры и вывозил. А после хет-трика в недавнем матче с омичами вообще думал, что банка мне уже не грозит. И на тебе! И ещё ладно бы кем-то другим заменил, а то как назло Богатырёвым! Представляю, как тот ликует.

С Русланом Богатырёвым мы давно на ножах. Точнее, он мне открыто завидует. С тех пор как Палыч вывел меня в нападающие, Богатырёв только и делал, что полировал ска-

мейку. От злости у него аж крышу сносило. На тренировках как бы случайно пробивал по мне при каждом удобном случае. Я уж не говорю, сколько раз он типа «промахивался» и пинал мне по голени. Иногда до стычек доходило. Правда, Палыч сразу разнимал.

Однажды Богатырёв так достал меня, что я предложил ему после тренировки встретиться и выснить, что к чему, но, пока принимал душ, он свалил. Потом, конечно, отмазывался, мол, срочное дело вдруг нарисовалось, не мог ждать и всё такое, но я изрядно поглумился над ним, и с тех пор он при-
тух. Злился, само собой, ещё сильнее, но уже молча, на рожон не лез. И тут вдруг такая подстава со стороны Палыча! Я даже в душевую с расстройства не пошёл: не хотел видеть победную мину Богатырёва.

Уже на улице меня нагнал Денис Ячменёв – наш капитан.

- Олег, забей. Палыч на тебя просто сердится. Остынет и вернёт. Он же отходчивый.

- А с чего ему на меня сердиться?

- А ты сам как думаешь? – удивился Денис, будто это так очевидно.

- Никак не думаю, - буркнул я.

Да в самом деле откуда мне знать, на что он там сердится, если мы нигде, кроме как на стадионе, не пересекаемся.

- Ну а кто на той неделе пропустил тренировку?

- И что? Разве я один пропускаю? Ты вон тоже полмесяца

как-то не ходил.

- Но я-то по болезни.

- Может, и я по болезни.

- А может, потому, что ты вместо тренировки играл за какой-то банк?

Так оно и было. На прошлой неделе у банкиров проходила спартакиада и меня попросили сыграть за «Капитал». У нас вообще такое часто практикуется, в смысле, все так делают, и причём не бесплатно, хоть Палыч и не одобряет. Меня же попросил друг отца, управляющий этого «Капитала», так что я играл просто за спасибо.

- Ну, играл, и что?

- И то. Палыч и так-то не любит эти дела, а если ещё ради трёх копеек ты забил на тренировку...

- Дэн, ты что несёшь? Каких ещё трёх копеек? Ай, да пошли вы все!

Я припустил к остановке. Дэн крикнул мне что-то в спину, я даже не оглянулся.

Хотел набрать Серёгу, но вспомнил, что вчера с ним разругался. И такое зло на весь мир меня обуяло! Прямо внутри забурило. Хотелось крушить и ломать что ни попадя. Или нагнуть кого-нибудь. Прямо чувствовал, как дурная силища кипела в руках. Казалось, нарвись кто на меня в тот момент, прибил бы точно. Отыгрался бы за все свои невзгоды по полной программе.

Накрапывал дождь. Я вышагивал посреди тротуара, ши-

роко расставив локти и задиристо поглядывая на прохожих, но те, вжав головы в плечи, скользили мимо меня, как тени.

На лицо падали мелкие холодные капли, остужая разгорячённую кожу. Тут меня кто-то толкнул. Я злорадно оглянулся, но это оказалась бабка. Не с бабкой же биться... И как-то внезапно вся ярость схлынула.

У гастронома крутился бездомный пёс, облезлый и мокрый, вынюхивал съестное. И, непонятно почему, мне вдруг подумалось, что я тоже, как этот пёс, брожу неприкаянный и никому не нужный. Сразу стало жалко дворнягу, как самого себя. Купил кольцо краковской. Псина одурела от восторга, засуетилась, мельтеша хвостом, пока я вынимал колбасу из целлофана. Хоть кому-то будет радость.

* банка - скамья запасных

Ближе к ночи вернулся отец. Усталый, мятый, глаза красные. Но какой бы он ни был вымотанный, обстановка сразу разрядилась. Мать растаяла, довольная, заворковала. Миротворец он у нас, умеет сглаживать углы, даже одно его присутствие действует и на меня, и на мать успокаивающе.

Отец привёз омуля. Всякого – солёного, горячего копчения, холодного. Мать быстренько подсустилась: рыбу почистила, картошки отварила, заправила маслом, рубленой зеленью присыпала.

Потом мы ужинали, как давно, в детстве – все вместе на кухне под небольшим квадратным столиком. Квартира уже не та, конечно. Раньше, до отцовского директорства, мы жили в двушке-хрущёвке с крохотной кухней.

Теперь мы редко собираемся всей семьёй. У матери – диета, у отца – работа. Разве что по выходным иногда случаются совместные обеды, ну ещё в праздники. Но тогда мать накрывает в столовой большой круглый стол, раскладывает ножи, вилки, салфетки, как положено по этикету. И мы просто едим, тоже по этикету. Даже если при этом разговариваем, то как-то натянуто, неестественно. Может, потому этот незамысловатый ужин с родителями вдруг стал для меня нечаянной радостью. Прямо на сердце полегчало.

Ночью встал в туалет и заметил под дверью родительской

спальни полоску света. Подошёл поближе. Они разговаривали, причём довольно-таки оживлённо, но тихо, ни слова не разобрать, только бу-бу-бу. В том, что родители обсуждали что-то среди ночи, ничего такого уж удивительного не было – мало ли, соскучились, может. Однако мне показалось, что говорили они как-то напряжённо. Неужели ссорились?

На моей памяти мать с отцом ссорились от силы пару раз. И то эти ссоры были какие-то однобокие: мать обижалась, отец замаливал грехи. А тут оба друг другу что-то выговаривали возбуждённо, хоть и полушёпотом. Думал сунуться к ним, поинтересоваться, что за разборки среди ночи, да махнул рукой. В конце концов, не маленькие, сами разберутся.

Утром меня опять не разбудили. Нет, всё-таки что-то у них произошло. Мать ходила мрачнее тучи, от расспросов увиливала, кипятилась из-за каждой мелочи. И самое показательное – за весь день ни разу не вспомнила про учёбу!

Отец же ни свет ни заря опять умчался на работу. Они созванивались, я слышал, но как нарочно мать с трубкой закрывалась в спальне. Прямо тайны мадридского двора! Берегла мою психику, чтобы я пребывал в счастливом неведении?

До вечера я так и прослонялся без дела. Пару раз звонила Инга, но я сбрасывал. Всё, что хотел, уже сказал, добавить нечего. А выслушивать, какой я трус и подлец, не больно-то охота. Пусть её Серёга Шевкунов утешает. Вспомнил о нём,

и сразу испортилось настроение. Мне казалось, что он предал меня, предал нашу дружбу. И ради чего?!

Отец снова пришёл под ночь. С матерью разговаривали вроде бы как обычно, ни намёка на ссору. Тогда вдвойне непонятны их перешёптывания и её нервозность. В чём всё-таки дело?

Я не удержался, спросил его, но отец тоже от вопросов отмахнулся. Сказал, чтоб я ничего не выдумывал, а шёл спать, а то завтра в школу. В школу! Как будто накануне я не ему рассказывал о том, что нас пока распустили!

На следующий день я совсем скис. Накопилось по мелочи всякого негатива, плюс ещё эта игра с «Химиком», на которую поначалу вообще решил не ходить. Психанул. Но потом подумал, что, если не пойду, все, да ладно все, главное, Богатырёв поймёт, что я расстроился, что мне не всё равно. Зачем ему давать лишний повод для злорадства?

К тому же с утра позвонил Денис Ячменёв. Заявил, что, если я не пойду – это будет глупо, мол, только себе во вред. Я успокоил Дэна:

- Да приду я.
- И насчёт Палыча не парься. Остынет скоро.
- А ты не в курсе, откуда он узнал про это? Ну, что я за банк играл...
- Без понятия.

Собственно, гадать тут нечего. Понятно, что донесли. И,

кто донёс, ясно как день. Кроме Богатырёва, на такую подлянку никто из наших не способен. Стукачи у нас не водятся. Да и мотивы только у него. Однако же какой урод!

Всю игру Палыч держал меня в запасе. Старый болван.

«Химик» разделал наших всухую. Даже пенальти умудрились прощёлкать. Единственный раз, когда им удалось более-менее удачно атаковать и наметился реальный шанс забить гол, Богатырёв мазанул и попал в «молоко». Зато Валере Ледогорову отгрузили полную авоську. Итог: три-ноль. Нет, я, конечно, не Месси, а «Химик» и правда сильная команда – но уж пенальти бы точно пробил. Да и на месте Богатырёва так бы не лопухнулся.

Одно утешение – его убитая физиономия. Меня так и подмывало съязвить, но остальные пацаны тоже выглядели расстроенными, а им сыпать соль я не хотел.

Возвращался домой в приподнятом настроении. Нет, всё же я – злорадный гад! Ну и ладно. Не будете меня в следующий раз задвигать.

Затренькал мобильник. На экране высветилось: Крылова. Я помялся – братъ, не братъ. Крылова – лучшая подруга Инги Марченко и наверняка заготовила речь о том, какая я скотина. А ещё это могла быть и сама Инга. «Лучше сбросить», – подумал я, но... принял вызов.

- Решетников, ты – сволочь! Ты хоть представляешь себе, в каком Инга сейчас состоянии?!

- И тебе привет, Крылова. Как дела?

- Ничего, - промямлила она.

Говорю же, речь приготовила, а как пошло не по сценарию – сразу тупик.

- Чем занимаешься? – не давал я ей опомниться.

- Ничем, - лепетала она, совсем сбитая с толку.

- Ничем, ничего... как-то скучно ты живёшь, Крылова. Может, сходим куда-нибудь, развеемся?

- Со мной? – удивилась Крылова.

- Ну а с кем? Вроде с тобой разговариваю, – усмехнулся я.

- Я... я не знаю... Как-то это неправильно...

- Чего ты не знаешь? Что неправильно? Я ж тебя не замуж зову, а всего лишь в кино. Давай подгребай к Баргузину через полчаса. Успеешь? Заодно и поговорим, о чём ты там хотела.

Мутить с Крыловой я, разумеется, не собирался. Она вообще не в моём вкусе. Позвал её чисто забавы ради, ну и от нечего делать.

Она явилась при параде – в ярко-красном жакете, на высоченных шпильках, не то что я – как гопник, в кроссах и спортивном костюме. Правда, вышагивала она еле-еле, да и наряд явно великоват – как будто с матери сняла.

- Ого! Шикарный вид! А я только что с тренировки, – заценил я её старания.

Крылова смутилась, порозовела. Я подал ей руку, она

нервно хихикнула, но ухватилась.

- Олег, только ты Инге, пожалуйста, не говори, ну про нас... Она неправильно поймёт, обидится, а ей и так сейчас плохо, - попросила Крылова.

- Я и не собирался.

На сеанс мы опоздали, но не критично. Пропустили только самое начало. В потёмках сели на ближайшие свободные места, я тут же приобнял Крылову за плечи. Она напряглась, но руку не сбросила. Тогда приобнял покрепче, а вторую руку пристроил ей на бедро. Она и тут не возмутилась. А я-то всегда считал её девочкой-припевочкой! Я наклонился и поцеловал её, вернее, слегка коснулся губами – опять-таки не отстранилась. Пока думал, продолжить свой эксперимент с Крыловой или не стоит, и сам не заметил, как увлёкся фильмом. А фильмец, к слову, шёл довольно сносный – «Два ствола», с Уолбергом и Вашингтоном. Правда, Крылова, похоже, заскучала.

- Понравилось? – спросил её.

Кивнула, а у самой глаза унылые.

- Пойдём здесь в кафешке посидим, - предложил я.

Крылова сразу оживилась, но, когда я принёс по пиву, снова застеснялась.

- Я не пью, - слабенько запротестовала она.

Я не сдержал ухмылки: помнится, Инга рассказывала, как они на пару с Крыловой наклюкались, а потом творили вся-

кие глупости.

- Это же пиво.

- Я думала, ты... короче, Инга говорила, что ты вообще не пьёшь.

Комментировать не стал – зачем? Кроме того, мне вдруг сделалось нестерпимо скучно. Какого чёрта убил вечер на эту занудную Крылову? К тому же она ничего лучше не придумала, как подлить масла в огонь. Зря...

- Олег, почему ты так с Ингой поступил? Ей сейчас очень плохо! Ведь нельзя же так...

С ума сойти, эта матрёшка ещё вздумала меня учить!

- Ты что, собралась мне рассказывать, как можно и как нельзя? Да мне плевать, плохо ей или хорошо. Она мне нравилась, я с ней ходил, разонравилась – до свидания. Какие проблемы? А ты-то сама... Вот чего ты сюда припёрлась? Думаешь, твоя драгоценная подружка обрадуется, если узнает, что ты со мной в кино ходила? Позволяла себя тискать? В кафе вот сидишь...

- Но ты же сам меня позвал...

На Крылову жалко было смотреть, но меня уже понесло:

- Ну и? Я тебя что, силой тащил? А если бы я тебе перепихнуться предложил, тоже бы потом говорила: «Я ни при чём. Это ты меня позвал»?

- Ну ты и придурок! – вскочила Крылова, красная почти в цвет своего жакета, и зацокала прочь.

- Лицемерка! – крикнул я ей в спину.

Как же меня все задолбали!

В пятницу мать ошеломила меня неожиданным заявлением:

- Со следующей недели ты идёшь учиться в сорок восьмую школу. Мы уже обо всём договорились.

- В какую ещё сорок восьмую? Ты чего? – я аж чуть не поперхнулся такой новостью.

- Я разговаривала с завучем, это моя знакомая, и с директором уже всё утрясли.

Я, онемев, хлопал глазами. А она продолжала ещё решительнее:

- Вашу школу закрывают на капитальный ремонт, а учеников распределяют по другим. И, увы, отнюдь не самым хорошим. Мы же с отцом договорились, чтобы тебя взяли в сорок восьмую. Это лучшая школа в районе. Она, во-первых, близко, во-вторых, там сильный математик. И вообще там все предметники хорошие, я узнавала. Тебе это нужно в будущем. Ну и завуч там – моя давняя знакомая.

- Нафига мне вообще ваша математика? Я в спорт пойду!

- Какой спорт? Не смей меня! Футбол – это не профессия!

- Что за бред? С каких это пор футбол не профессия?

- Я не поняла, ты чего протестуешь? Говорю тебе – вашу школу закрывают. Вас всё равно разбросают по другим шко-

лам. Или что, ты собрался вообще не учиться?

- Было бы здорово!

- Умно́, ничего не скажешь, - фыркнула мать.

- Я хочу пойти со всеми! Куда наших отправят, туда и я!

- Ты пойдёшь в сорок восьмую, и точка. Документы я уже отнесла, - отчеканила мать и стремительно вышла из моей комнаты, пока я ещё что-нибудь не сказал. Ведь ей же обязательно надо последнее слово оставить за собой.

Посмотрим, подумал я. Ещё чего! Всё сама решила, меня не спросила. А я вот не пойду, и всё тут! Что она меня, на руках туда понесёт?

Вечером наши собирались на Нижней набережной. Договоривались к шести, но я на полчаса опоздал. Сослался на пробки, хотя, по правде, сам не слишком торопился. Потому что сколько раз бывало – заявишься вовремя и ждёшь, пока остальные подтянутся. Уж лучше пусть меня ждут.

Серёга Шевкунов вообще не пришёл. Я испытал двоякое чувство: с одной стороны, облегчение – всё-таки злился на него ещё порядком, с другой – лёгкую досаду, как ни крути, а привык к нему.

Зато Инга и Крылова попались мне на глаза чуть ли не самые первые. Обе меня демонстративно не заметили. Правда, стоило отвернуться, тут же зашептались. Про меня, естественно.

Ещё и пацаны принялись досаждать вопросами: где Серё-

га, что с ним, почему – как будто я его нянька! Особенно Жека Верещагин насел.

- Чего прицепился? Я его что, пасу? – рывкнул я.

- Да успокойся ты! – отпрянул от меня Верещагин.

- А я и не нервничаю, – огрызнулся я. – Просто докапываться до меня не надо.

Верещагин дёрнулся, но ничего отвечать не стал, только отвернулся.

- Не ссорьтесь, мальчики! – подлетела Наташка Гороховская. – Может, последний раз собираемся всем классом!

- Да ну! Что ты выдумываешь?! Рано ты с нами прощаешься, Горошкина! – загалдели наши.

- А вдруг нас раскидают по разным школам? Я слышала, что нашу всё-таки закрывают!

- Ну и что, даже если и переведут в другую, то весь класс, мне отец сказал. Так что никуда ты от нас, Горошкина, не денешься.

Ну вот, то ли дело – Наташка Гороховская. Её у нас как только не зовут: и Горошкиной, и горошком, и колобком, и плюшкой, и пончиком, но она ни на что не обижается. Просто патологически лишена всякой обидчивости, а между тем над ней вечно все подшучивают. Высмеивают её пышную фигуру и прикид, её восторги по каждому пустяку, её ненормальную страсть всех опекать. И всё же, когда прошлой весной у нас проводили психологический тест, чтобы, как объяснила классная, выявить звёзд и аутсайдеров (как будто это

и так не видно!), Гороховская набрала больше всех голосов!

На втором месте – Инга, затем только – мы с Шевкуновым. Поровну набрали. Я был в шоке!

Наташка, конечно, очень удобный человек – безотказная, добрая, списать даёт без вопросов и вообще что ни попроси – сделает. В жизни, наверное, никому и слова-то грубого не сказала, но разве ЭТО делает человека звездой?

Впрочем, плевать. Какой нормальный человек поверит идиотскому тесту? Тоже мне, психоанализ: кого бы вы взяли с собой в опасное и долгое путешествие. Только троих и только из класса. Ну не чушь ли?

Инга, помню, вообще чуть не лопнула от негодования: «Этот шарик с ножками круче меня?!»

Я тоже был уязвлен, что уж. Ну а что? Кто во всех соревнованиях участвует и за класс, и за школу, кто всегда первые места занимает, кто в любое время бабки всем одалживает и, между прочим, никогда никому не напоминает о долге? Так что да, я был уязвлен, но состряпал мину, будто мне плевать.

- Ой, так это ж хорошо! – воскликнула "звезда"-Гороховская и хлопнула в ладоши.

Остальные девчонки захихикали.

- А куда пойдём?

- Может, в сквере посидим? – предложил кто-то из пацанов.

- Да ну! В такой дубак!

- Пойдёмте в «Баньку».

- «Студент» лучше. Там всё дешевле.

- Да! В «Баньке» могут пива не дать.

- Олегу дадут везде, и «Банька» как-то поцивильнее, - Костя Забровин легонько шлёпнул меня по плечу.

После недолгих препирательств двинули всё-таки в кафе «Студент». По сути – обычная пивнушка, только аудитория – сплошь студенты и студентки, ну и старшекласники. Мне и в самом деле отпускают пиво без вопросов. Не то что я этим кичусь, но без меня наши бы точно насухую сидели.

В «Студенте» былолюдно. Впрочем, там всегдалюдно, невзирая на день недели. Нам пришлось потолкаться у входа, пока не освободилось два столика по соседству. Сдвинув столы и стулья, мы расселись по трое на два места. Взяли обычный набор: пиво, солёные орешки, сухари с чесноком, сыр-косичку.

Инга сидела наискосок от меня и постоянно шепталась с Крыловой. При этом они нет-нет да стрельнут ядовитым взглядом в мою сторону и давай хохотать – мол, надо мной. Видимо, я должен был сконфузиться. Ха, посмотрел бы я, как Инга смеялась бы, если б знала, что я ходил с её подружкой в кино.

Я решил пощекотать нервишки Крыловой, чтоб не слишком хихикала на мой счёт.

- Видели новый фильм? Сейчас в кино идёт...

- Как называется? – подхватили наши.

- «Два ствола».
- Карты, деньги который?
- Просто «Два ствола».
- Не, не видел. Нормальный? – заинтересовался Забровин.
- Ага, ничего такой боевичок, с Ричи не сравнить, конечно, но посмотреть разок можно.

Боковым зрением я следил за Крыловой – у той махом улыбочка сползла с лица. Прямо окаменела вся. Так тебе, курица!

- А с кем ходил? С Серёгой? – Забровин как по заказу повёл разговор в нужное русло.

- Вот ещё! С девушкой, конечно.

Теперь и у Инги лицо вытянулось. Все остальные тоже вдруг примолкли. Принялись усердно пить и грызть сухарики, избегая смотреть на нас с Ингой.

У Забровина загудел мобильник. Он рванул с трубой на улицу, можно подумать, кому-то интересно слушать его телефонный трёп.

- Чего закисло? Умер кто? – спросил я пацанов.

Ладно девчонки, они могли из солидарности с Ингой выразить молчанием недовольство. Кто-то невнятно хмыкнул в ответ.

Вернулся Забровин и, помахивая допотопным Самсунгом, бодро сообщил, что скоро подтянется Серёга Шевкунов. Пришёл мой черёд напрячься.

За все годы нашей дружбы это – самая серьёзная ссора, и

я даже не представлял, как с ним себя вести, сидя за одним столом. Дуться, как девочка, – не дело. Общаться как ни в чём не бывало? Ну уж нет, обойдётся. Может, уйти? Тогда он сочтёт, что я сбежал. Тоже не годится. Я решил, что останусь и буду действовать по обстоятельствам.

Серёга звонил, вероятно, откуда-то поблизости, потому что не прошло и десяти минут, как он нарисовался. Расфуфыренный, смотреть смешно. Даже вихры, что вечно торчком, уложил и чем-то намазал. Капец!

Ну а дальше он поразил меня окончательно: поздоровался со всеми пацанами, кроме меня, как будто я вообще пустое место. А я... я, чёрт побери, протянул ему руку, как последний болван, но он как будто не заметил.

Я в упор уставился на него, без шуток, серьёзно, мысленно крича: «Серёга, ты чего?!».

Но он даже не взглянул. У меня кровь хлынула к лицу, щёки и уши вспыхнули, в горле встал ком. Такого унижения, да ещё на глазах у всех наших, я никогда не испытывал. В глазах противно защипало. Я быстро сморгнул – не хватало ещё слезу пустить.

Слава богу, удалось быстро взять себя в руки. Я прокашлялся, сделал пару глубоких вдохов. Отпустило. Но всё же лучше бы я ушёл! Или вообще не приходил! Однако такого позора я ему не прощу.

Краем глаза заметил, что Инга с Крыловой поглядывают на мою сторону с любопытством. Нет, даже со злорадством. Пошептались, снова прыснули. Решили, что буду сидеть теперь, поджав хвост, оплётанный и оскорблённый? Ну уж нет!

Фиг вам!

- Что, Серёга, поздороваться с бывшим другом побрезговал? – спросил я с усмешкой, убирая руку в карман. – Конечно, ты у нас сегодня начепурился, вон аж волосы блестят. Куда мне до тебя! Что, свою часть спора приготовился выполнять?

- Какого спора? Что ты несёшь? – Серёга вдруг сразу же меня заметил и густо покраснел.

- Типа память отшибло?

- Заткнись, - прошипел Серёга. – Заглохни, я сказал.

- Да пошёл ты!

Тут и Марченко подала голос:

- Правильно, Серёжа. Достал он уже троллить всех.

И покосившись на меня, прошипела:

- Подонок...

Я вскипел:

- Ах, ну конечно. Вы тут все такие правильные... такие благородные. Один я – подонок и тролль. А что я подлого сделал-то, Марченко? Кого предал или подставил? И где кого я троллил? Я говорю то, что реально думаю. Ну разонравилась ты мне, всё, ничего не поделаешь, такое бывает. Блин, сердцу не прикажешь. Переключись уже на кого-нибудь другого! Вон на того же Шевкунова. Кстати, это из-за тебя у нас рабсы. Да, да. Что, Серый, загоношился? Хочешь скромным героем остаться? Рыцарем печального образа? Нет уж, правду так правду. Я, Марченко, поспорил с ним, что порву с то-

бой, а он – что сможет к тебе подкатить. Я-то свою часть спора, как ты помнишь, выполнил. Посмотрим, как справится он.

Серёга оцепенел. Я понял, что перегнул палку, но отступить уже было некуда.

- Вот ты сволочь! – вскочила Крылова.

- Кто там вякнул? Оба-на! Верная подруга! Ты уже рассказала, что это с тобой я ходил в кино?

У Инги буквально отвисла челюсть.

- Что?! Что ты несёшь?

Я ухмыльнулся. Она повернулась к Крыловой:

- Это правда?

Крылова потупила глазки и ничего не ответила.

- Не, серьёзно, скажи? Это правда?

Крылова молчала, красная, как её вчерашний жакет.

- Офигеть! Как ты могла? Ты ходила с ним в кино? Как?

Когда?

Поскольку Крылова молчала, выступил снова я:

- Вчера вечером. И в кино, и в кафе. А ещё мы обнимались и даже разок поцеловались. Да, Крылова?

На ней лица не было, а Ингу так вообще стало не узнать.

- Ты... ты... - только и повторяла она.

Потом схватила сумку и выбежала из кафе.

- Инга, подожди! – взмолилась Крылова и умчалась следом.

Серёга с минуту смотрел на меня, стиснув челюсти. Затем

покачал головой и тоже вышел на улицу.

- Я... это... тоже пойду, - вдруг поднялся Забровин.

- Даже пиво не допьёшь? – спросил я.

- Не, мне надо... дело есть.

Один за другим ушли все наши. Даже сердобольная Городовская. Я остался один.

Ко мне подрулила официантка.

- Они насовсем или ещё вернутся? А то у нас со столами напряжёнka.

- Насовсем, - буркнул я и тоже вышел.

Настроение сделалось препоганое, но домой идти совершенно не хотелось. Решил прогуляться. Без конкретной цели, просто шёл куда глаза глядят.

Забрёл в тихую аллею. Сначала услышал смех и разговоры. А потом увидел их. Они облепили одну из скамеек, почти весь наш класс. Девчонки взобрались с ногами и сидели на спинке, пацаны топтались перед ними. Они болтали наперебой и хохотали.

В первый момент я остолбенел, точно схватил нехилый такой удар под дых. И сразу всё понял. Они, все они, сбежали от меня! Отделались! Наврали ещё...

Вот так в одночасье я для всех стал не просто ненужным, а лишним, тем, от кого хотят избавиться...

Это потрясло меня настолько, что я встал как вкопанный и не сразу сообразил, как будет глупо, если они меня заметят. Потом развернулся и пошёл прочь, но, видать, кто-то успел

всё же меня засечь, потому что смех и разговоры за спиной внезапно смолкли и чей-то приглушённый голос произнёс:

- Это что, Решетников?

Господи, мне хотелось сквозь землю провалиться! Я шёл быстро, едва не срывался на бег, приказывая себе не думать ни о чём и загоняя вглубь едкую горечь. Затылком чувствовал их взгляды, в ушах стоял их шепоток. Сволочи! Ладно это злосчастная троица Шевкунов-Марченко-Крылова на меня обозлилась. А с чего остальные так себя со мной повели? Им-то я что сделал?

Ну и ладно. И пусть. Как хотите. Нужны вы мне больно. Кретины! Лузеры!

Я мчался по улице на автопилоте, в мыслях матеря своих одноклассников на чём свет стоит. Только злость и не давала мне раскиснуть, заглушая боль. А мне было ой как больно, только в этом я и самому себе не желал признаваться.

Дома мать снова завела шарманку по поводу сорок восьмой школы. Пока гулял, она заготовила целый список доводов, но я даже слушать не стал, сразу же согласился.

- Ладно, пусть будет сорок восьмая. Мне вообще пофиг.

Она аж онемела от удивления.

После сегодняшней встречи с нашими мне и правда было всё равно. Или нет, не всё равно. Наоборот. Я не хотел их видеть. Никого и никогда.

Ужас в том, что мать вздумала провожать меня до новой школы. Я грозил, что вообще тогда не пойду, но её так просто с толку не сбить.

В итоге пришли к компромиссу: она пойдёт следом, будто не со мной. Понаблюдает со стороны, а потом тихонько удалится.

Сорок восьмую я мало-мальски знал. Здесь как-то проходили районные соревнования по баскетболу. Спортзал у них вполне себе годный, просторный и оборудованный неплохо, даже лучше нашего. Впрочем, тогда это им не особо помогло – их команда продула почти всем, насколько я помню.

По наставлению матери первым делом я сунулся к её знакомой – завучу Ирине Борисовне. А та уже препроводила меня в учительскую.

- Вот, Валентина Ивановна, ваш новый ученик, Олег Решетников, пришёл из двенадцатой. Я вам в пятницу говорила.

Новая классная мне не понравилась с первого взгляда. Лицо землистое, дряблкое, почти безгубое. Вместо рта – узкая полоска вниз дугой. Волосы с проседью, короткие и прилизанные, в точности как у Мымры из «Служебного романа». Только та по сравнению с этой просто красotka.

Но дело даже не в том, что новая классная была некра-

сивой, старой и вообще больше смахивала на мужика, чем на тётку. Мне так-то плевать на её внешность. Главное, она источала какую-то лютую злобу. Смотрела зверем, цедила сквозь зубы. Я впервые, если честно, сталкивался, чтобы вот так на меня смотрели, да ещё без всяких причин.

У неё буквально на лбу огромными буквами было написано, что она измотана, всегда и всем недовольна, ненавидит свою работу и всех людей вокруг. Я, конечно, не психолог, но, по-моему, таким, как она, категорически противопоказано идти в педагоги.

Мы вышли из учительской вдвоём.

- У вас сейчас физика. Третий этаж, сорок второй кабинет. Не отставай! – скомандовала она скрипучим голосом и твёрдо, по-солдатски зашагала по коридору.

Завела меня в класс, пролаяла на одном дыхании: *здравствуйте-ваши-новый-одноклассник-Олег-Решетников.*

Церемония знакомства с классом закончилась, и брутальная мадам удалилась. Я облюбовал заднюю парту у окна. Идеальное местечко: сам не на виду и весь класс как на ладони. Да и на уроке скучать, глядя в окно, веселее. Впрочем, на меня всё равно оглядывались и косились.

Быть новеньким мне ещё не доводилось, если не считать того времени, когда Палыч взял меня в клуб, но там всё совсем по-другому и адаптация происходит мигом. В школе сложнее. Класс – это как маленькое государство. В каждом

– свои лидеры, своя политика, своя иерархия. И здесь, чувствовал я, совсем всё иначе, чем было у нас. Всё незнакомо и чуждо. Но если честно, не очень-то хотелось узнавать и знакомится. Наверная, я ещё не отошёл от минувшей пятницы.

Зато физичка тут – Ольга Николаевна – любо-дорого смотреть. Не старая и симпатичная, грудь, ножки – высший класс. Я даже слушать её начал.

- Кто расскажет, при каком условии возникает индукционный ток? – спросила она.

Класс, само собой, молчал. Вот и плюс обозначился – первое время хоть спрашивать меня не будут.

- Желающих нет? Что ж... тогда...

Она склонила голову и посмотрела на учеников исподлобья. Глаза круглые, зелёные. Чёрные брови вразлёт. Прямо как хищная птица на охоте.

- Болдин!

Из-за парты вылез мелковатый пацанчик, навскидку – мне по грудь. Но плотный такой, коренастый – крепыш, одним словом. Я окрестил его Мужичок-с-ноготок.

Он усиленно морщил лоб, изображая накал мысли, нащёпывал себе под нос, но так и не разродился ответом.

- Что, Болдин, опять не готов? Год только начался, а ты уже... Садись, ставлю двойку, пока карандашом. Если не исправишь до конца недели, поставлю ручкой.

- Тогда нам ответит... Виляев.

Виляевым оказался длинноволосый парень, что сидел

прямо передо мной. Лица его я не видел, но со спины – типичный хипстер. Он тоже что-то прожевал нечленораздельное, получил пару карандашом и уселся на место.

- Я гляжу, вы никак в учёбу не можете включиться. Смотрите, как бы в конце года плакать не пришлось.

Кто-то негромко хмыкнул, однако в целом класс был спокойный. Или же у физички здесь авторитет. Тем временем она продолжала охоту за головами:

- Чибисов!

И тут я чуть со стула не упал, потому что с соседнего ряда поднялся белобрысый паренёк, тот самый, с которым несколько дней назад мы ехали в электричке, когда торчок подрезал у меня портмоне. Вот так сюрпризец!

Мой знакомый оказался в теме и без запинки начал шпарить прямо как по учебнику:

- При изменении магнитного поля возникает индукционный ток...

Сам не знаю почему, но, увидев его, я вдруг обрадовался. Будто на чужбине встретил земляка. Сразу почувствовал себя, комфортнее, типа один в поле не воин, а вместе – уже ого-го!

Я силился вспомнить его имя, но без толку. Правда, недолго пришлось терзать память – зеленоглазая физичка улыбнулась и совсем другим тоном сказала:

- Садись, Максим, молодец, пять.

Точно! Максим, Макс...

Он тоже меня запомнил и узнал: присев, метнул в мою сторону робкий взгляд. Я подмигнул, и белобрысый застенчиво улыбнулся. Да уж, с ним никакого ого-го не выйдет. В родном классе он и то держался скованно. Даже пришибленно.

Затем Ольга Николаевна приступила к новой теме. В физике я не смыслю ровным счётом ничего, так что уже с третьего предложения меня стало клонить в сон. Вся эта дребедень — индукция, магнитный поток, гальванометр, правило Ленца — действовала как гипноз.

А вот белобрысый внимал каждому её слову и старательно записывал в тетрадь. Таких добросовестных я высмотрел ещё человек десять на весь класс. Хотя, может, они и не формулы выводили, а играли в какой-нибудь «Ход конём» или «Числа». Ну а остальной народ, как и я, боролся со сном.

Прозвенел звонок. Физичка продиктовала домашнее задание и отпустила всех, кроме меня. Задержала ненадолго, спросила, что проходили, по какой программе занимались и как вообще у меня обстоят дела с физикой.

Я чистосердечно признался, что физика для меня – терра инкогнита. Она для виду поскоблывалась и отпустила на все четыре стороны.

Всё это время, оказывается, белобрысый поджидал меня в коридоре за дверью.

- Здорово! – я пожал ему руку. – Значит, ты в этом классе учишься?

Он кивнул.

- Бывают же совпадения!

- Да, - разулыбался он.

- Ты в физике сечёшь?

- Ну...

- А я как-то не особо. А в этой школе давно учишься?

- С первого класса.

- Значит, будешь моим гидом. Показывай давай, где тут у вас что.

Тогда он и вовсе расцвёл.

На следующем уроке Макс подсел ко мне. Я сам предложил, и он с готовностью переехал.

Я-то думал, вдвоём будет веселее, но куда там! Белобрысый проявлял крайнюю степень сознательности, причём на всех предметах. Сколько ни пытался я его разговорить, самое большее – кивал или отвечал односложно, и снова всё внимание на доску, на учителя, в учебник. Типичный ботан, короче.

Достучаться до него удалось только на уроке химии, и то потому, что у химички вышла какая-то нестыковка с расписанием. Она озадачила нас самостоятельной, а вместо себя посадила молоденькую лаборантку, которой всё было фиолетово, хоть на парте танцуй.

Она уткнулась в планшет, и её вообще не трогал дикий гвалт, поднявшийся сразу, как ушла химичка. Народ вслух переговаривался, спрашивал друг у друга ответы, искал решения сообща. Шелестели учебники. Пиликали сотовые. Только две последних парты на соседнем, втором ряду, не суетились. За одной из них сидел рослый чернявый парень с хорошенькой блондинкой. И не просто сидел, а вальяжно раскинулся, умудряясь при этом наглаживать соседке бедро. Она, кстати, не возражала.

- В учебнике нет этих задач, - возмутился Мужичок-с-ноготок.

- Ну естественно, - не поднимая глаз, хмыкнула лаборантка. – Кстати, в Интернете тоже можете не искать. Наталья Леонидовна их сама составляла.

- Ох, ничего себе! И как мы их должны решать?

- По аналогии с пройденными, так что вспоминайте...

Я и оглянуться не успел, как Макс всё сделал и чинно сложил ручки.

- А ты что не решаешь? – удивился он.

- Задачи по химии? Издеваешься?!

- Давай покажу, здесь просто...

- Очень издалека придётся показывать, класса с восьмого, - усмехнулся я.

Хипстер повернулся к нам, вернее, к Максy. Меня новые одноклассники упорно игнорировали. Точнее, искоса поглядывали, перешёптывались, но знакомиться или в открытую заговорить не спешили. Молчал и я. Не в моих правилах ввязаться кому-то в приятели.

- Решил? – спросил длинноволосый. Причём говорил он по-барски, типа, ну, холоп, управился уже?

Макс коротко кивнул. Хипстер, не говоря ни слова, взял со стола его тетрадь. У меня брови поползли на лоб от таких манер, я было собрался дёрнуть волосатого, потолковать за культуру, но Макс поспешил заверить:

- Да пусть, мне не жалко.

Шепнул, а сам потупил взгляд.

- Твоё дело, - пожал я плечами и свернул в другое русло: - Расскажи-ка, что у вас за народ. Кто заправляет?

- В смысле? – не понял Макс.

- Ну, кто у вас тут лидер, вожак, партайгеноссе? Ну как тебе ещё сказать?

- А-а, - дошло до него наконец. – Наверное, Мальцев и Яковлев. Ну и те, что с ними... Голубевская, Вера Потанина, Сачков и вот он, Виляев.

- Лидер всегда один, максимум – дуэт, и то редкость, все остальные – свита.

- Ну тогда Мальцев, - и он кивнул на «чернявого», который до сих пор щупал бедро своей соседки.

- Вон тот чёрный, кучерявый, с шаловливыми ручками?

- Угу, - Макс покраснел.

- Что он за тип?

- Не знаю, - промямлил Макс.

- А с ним кто такая?

- Вера Потанина.

- Они вместе?

- Угу...

Мальцев не то услышал, не то почувствовал, что я за ним наблюдаю, потому что неожиданно повернулся к нам. Царапнул меня взглядом, но ничего не сказал, заговорил с Максом:

- Чё пялишься, Чибис? Решил уже? Давай сюда.

Макс кивнул на хипстера:

- У Виляева.

- У Виляева, - передразнил его Мальцев, потом переключился на хипстера: – Эй, Дота, гони сюда тетрадь Чибиса!

Я хотел было вставить свои пять копеек, мол, эксплуатируешь чужой мозг, так хотя бы спасибо-пожалуйста говори, но вдруг вспомнился момент, да не один, а множество, как

сам списывал. Прошлый год. Физика. Контрольная. Я полулежу за партой, зеваю и даже не волнуюсь, потому что Гороховская решает мой вариант, передаёт мне украдкой, и только потом приступает к своим заданиям. Я не просил, не благодарил, а принимал как само собой разумеющееся. И даже не думал, что это вот так выглядит.

После школы мы пару кварталов шли вместе с Максом, потом наши пути разошлись. Ему – налево, мне – направо. Впоследствии он вдруг выпалил чуть ли не с щенячьим восторгом:

- Как здорово, что ты пришёл в наш класс!

У меня нечаянно вырвался снисходительный смешок, и Макс тут же смутился собственной горячности.

- В смысле... забавно получилось... - добавил он.

Я хлопнул его по плечу и двинул в сторону «Баргузина», но не сделал и пяти шагов, как Макс окликнул меня:

- Если будут проблемы с домашкой, ну и вообще... звони...

- Лады, - кивнул я.

Готов был поспорить, Макс так и стоял на перекрёстке, глядя мне вслед, пока я не скрылся за поворотом. Кожей чувствовал, как он сверлил глазами мою спину, ну или чем там в таких случаях чувствуют...

Радости от встречи «земляка на чужбине» изрядно поубавилось. И вовсе не потому, что меня по жизни бесят люди с

такой позицией: ударят по щеке – подставь другую. Не в прямом, конечно, смысле. Потому что в классе его не обижали, как утверждал сам Макс. Но вот эта безропотность, жертвенность и желание всем угодить... брр, меня прямо передёргивает от подобных качеств. Ладно бы его нагибали, а он просто не мог им противостоять. Но его, по ходу, всё устраивало. Пару раз я предлагал вмешаться, он аж руками замахал: нет, нет, не надо. Всё хорошо.

Рабская психология, короче.

Но это его, конечно, дело. Напрягало меня совсем другое: этот тихоня, по всей видимости, записал меня в закадычные друзья. Ну или вознамерился стать моим лучшим другом.

С того момента, как я предложил ему пересесть ко мне, он шагу не давал ступить. Всюду плёлся за мной хвостом. Даже в сортир!

Я от такого навязчивого внимания начал сходить с ума. Я вообще не переносу посягательств на личное время и пространство. Я в магазине-то бешусь, когда продавцы лезут: чем помочь, что ищу. Сразу же - ноги в руки и к другому прилавку, где будут молчать. А тут каждую минуту... неотступно... да ещё это просительное выражение лица!

Завтра же поговорю с ним, решил я. Растолкую, что к чему. Пусть пасёт кого-нибудь другого.

Намеченного разговора не вышло. Сказать «отвяжись»,

пусть и в вежливой форме, человеку, который тебе ничего плохого не сделал, даже наоборот, из кожи вон лезет, чтобы угодить, не так-то просто, оказалось.

Пару раз я было заводил разговор. Но стоило только взглянуть в его щенячьи глаза, и сразу вся решимость пропадала.

Ну и к тому же новые одноклассники не особо рвались принимать меня в свой стан. Они даже не здоровались, уроды! Типа я пустое место.

Я звонил Серёге Шевкунову и неизменно попадал на короткие гудки. Зашёл ВКонтакте, хотел написать ему, готов был даже перешагнуть через собственную гордость. Но, увы... *«Вы не можете отправить сообщение. Пользователь ограничил доступ к своей странице».*

Я негодовал, бесился, недоумевал. Как так?! Десять лет дружили и после этого в чс? А потом плюнул. Не хочет - да пожалуйста.

Так я и рассудил. А Макса, решил, стерплю. Пусть. По крайней мере, пока. В любом случае его компания лучше, чем быть совсем в одиночестве...

В октябре зарядили дожди. Холод стоял собачий, я даже простудился, чего со мной не случалось, наверное, с детства. Ходил по дому расклеенный, всё норовил прилечь. Одно хорошо – с чистой совестью пропускал школу, куда меня совершенно не тянуло.

Строго говоря, класс был не так уж плох. Никто никого тут не травит, не нагибает. Разве что Макс у сели на загривок насчёт списать, ну так это обычное дело. Да он и сам виноват, что позволил собой помыкать.

Правда, ещё порой подкалывают его и пару других таких же бесхребетных созданий, но издевательством это не назовёшь даже с большой натяжкой. Хотя я вижу, что Макс у подобные подколки не по душе.

Заметил: когда начинаются все эти шуточки в его адрес, он моментально бледнеет, а уши, наоборот, становятся пунцовыми. При этом Макс пытается улыбаться, мол, всё нипочём, но улыбочка выходит вымученная. И это меня раздражает. Если не нравится тебе, так и скажи. Ответ на оскорбление оскорблением. С кулаками кинься. Да, в конце концов, просто не давай списывать в другой раз.

Но нет. Даёт, по первому требованию, даже без «пожалуйста». Ещё и расшаркивается. Но он единственный, кто со мной приветлив, кто вообще со мной общается, и если быть

до конца откровенным, то я ему за это благодарен. Чёрт, полтора месяца назад умер бы со смеху от одной мысли, что буду испытывать благодарность к какому-то затюканному ботану за дружелюбие ко мне. Мир определённо перевернулся с ног на голову...

Впрочем, мой «ботан» сам во сто крат больше благодарен мне за дружбу – условно назовём так наше вынужденное общение. Дай ему волю, он, похоже, и жать бы ко мне переехал.

Вообще, они все какие-то недружные. Есть кучка вокруг Мальцева. Остальные, кто не в кучке, – кто как. Вместе только на уроках. Мы же, помню, регулярно совершали совместные вылазки всей толпой.

Этот Мальцев с его барскими замашками мне активно не нравится. Хотя, когда я смотрю на него, почему-то невольно вспоминаю... себя самого. Тоже ведь царём себя считал, даже в нашей дружбе с Шевкуновым негласно верховодил. Оттого и непонятно, почему, когда мы рассорились, весь класс встал на его сторону, а от меня попросту отвернулись. Фу, вспоминать тошно...

Внешне Мальцев смахивал на Яшку-цыгана из «Неуловимых», только на такого, бледненького и опрятного Яшку, ну и кудри покороче. И прикид, само собой, брендовый. А так – копия. Видел его как-то в выходные – рассекал на квадроцикле по набережной. Там же крутилась и остальная компания: две смазливые блондинки, Потанина и Голубевская, патлатый, которого все почему-то зовут Дотой, и ещё два

шкета, Яковлев и Сачков.

Яковлев у «царя» – главный паж. А иногда даже замести-
тель. При Мальцеве он всё больше помалкивает, либо угод-
ливо поддакивает. Без него – распускает хвост и начинает
демонстрировать командирские замашки.

Сачков – ещё один из группы поддержки – местный бала-
гур. Везде вставит своё слово. Типа смешно. Считает себя,
видать, душой компании. А по факту – заурядный тролль.
Он в основном и подкалывает Макса и прочих пришиблен-
ных. В классе его зовут Рыжий, потому что он реально ры-
жий. И весь конопатый. Даже руки.

Патлатый, или хипстер, или Дота – в общем, додик по фа-
милии Виляев, наоборот, молчун, каких поискать. Весь в се-
бе, как замороженный. Уткнётся носом в айфон и всё – про-
пал человек для общества. Изредка он оживает, чтобы из-
речь что-то типа: «ага», «неа», «дай списать».

А вот девчонки вполне... Только я поначалу их путал: фи-
гуры похожие, причёски тоже. Но потом пригляделся, на-
чал различать. Да и вели себя они по-разному. Та, которую
тискал Мальцев, Вера Потанина, попроще, и гонора в ней
поменьше. Вторая – Наташа Голубевская – прямо королева
снежная, к такой на кривой козе не подъедешь.

И, само собой, предки у них денежные. За Мальцевым
отец приезжает на «Хаммере», за Голубевской – на Порше.
Или вот в минувшую пятницу у Яковлева был день рождения
(небольшая ремарка: самое щедрое, на что раскошеливались

мои родители по аналогичному поводу – это снять зальчик в ресторане, хотя в родном классе наша семья считалась самой обеспеченной). Ну а тут Яковлев-старший арендовал целую турбазу на Байкале на все выходные. Плюс какое-то там шоу, катерок, фейерверк и прочие прелести.

Яковлев пригласил весь класс, обошёл вниманием только четверых: меня, Макса и ещё двух страшненьких застенчивых девочек – Алёну Дубинину и Нину Сагидзе.

В пятницу все заявили в школу кто в чём горазд, потому что предусмотрительный папаша именинника договорился подогнать целый автобус к школе, сразу после уроков. На переменах они галдели от восторга, предвкушая крутой отрыв. Только мы четверо не участвовали во всеобщем ажиотаже.

В тот день я особенно остро почувствовал, как изменилась моя жизнь. Прежде мне никогда не приходилось наблюдать со стороны, как народ обсуждает праздник, куда меня не зовут. Прежде меня всегда и всюду звали самым первым, а я выбирал, к кому пойти, а к кому - нет. А тут...

Нет, я, собственно, и не претендовал. Ясно же, что у них своя тусовка, я там чужак, но и прозябать на отшибе как-то не привык. Поэтому позвал Макса и тех двух девчонок сходить вечером в боулинг.

Макс просиял, правда, проямлил, что играть не умеет, но я пообещал научить, и он воодушевился. Что же до девчонок, так они ещё и кочевряжились. Вернее, одна из них, Сагидзе. Испуганно оттащила подружку в сторонку и принялась ей что-то нашёптывать.

- Да брось ты! Ничего такого, сходим, развеемся. Давай! – уговаривала её Дубинина.

Та отчаянно трясла головой, но Алёна продолжала её уго-

варивать.

- Не дрейфь, Сагидзе. Погоняем шары да по домам. Никто на твою честь не покусится, - не вытерпел я.

И та неожиданно сдалась. Дожил! Уговариваю страшил пойти со мной гулять. Инга бы сейчас позлорадствовала.

А между тем время провели на удивление неплохо, учитывая, что мне вообще не хотелось идти и я сто раз проклял себя за эту дурацкую затею. Просто днём, на тренировке, мы опять схлестнулись с Богатырёвым. Палыч, не разбирая, вломил нам обоим, так что пришёл я злой как чёрт. В таком состоянии я обычно говорю людям гадости. И этим бы вполне могло достаться по первое число, если бы не позитив, который хлестал из Дубининой фонтаном.

- Какой ты, Олежка, молодец, что собрал нас! Ну и пусть эти мажорики и их подпевалы развлекаются там, а мы тут отдохнём ничуть не хуже! – затараторила она, пританцовывая.

Даже угрюмая Сагидзе выдавила улыбку. Макс же ещё со школы не переставая цвёл. Невольно улыбнулся и я.

Мы переобулись, взяли дорожку. Для тонуса заказали по пивку и пиццу. Сагидзе выкатила глаза и замахала руками, что, видимо, означало «нет» на языке жестов, которому она явно отдавала предпочтение. По крайней мере, в моём присутствии.

- Что, мама заругает? – спросил я насмешливо.

- Правда, Нин, ты чего? Немножко можно, - подключилась Дубинина.

Пожалуй, зря я обоих в дурнушки записал. Дубинина могла бы стать очень даже ничего, вполне в моём вкусе даже, приложи она хоть маломальские усилия. Скажем, сделала бы что-нибудь с волосами, а не ходила откровенно косматой. Сменила бы свой балахонистый свитер на что-нибудь поизящнее. И немного макияжа ей бы не помешало, глаза-то у неё, конечно, что надо, большие и нереально голубые, но я лишь вблизи разглядел, что у неё имелись и брови, и ресницы, причём ресницы очень длинные и довольно пушистые, только белёсые. Я, вообще-то, не любитель размалёванных, но когда природа так поскупилась на краски, не грех малость подкраситься.

Но даже и такой, без тюнинга, она показалась мне очень симпатичной. А когда Дубинина улыбалась, у неё на щеках появлялись круглые ямочки – кому как, а мне всегда нравились подобные фишки.

Хоть это было и не свидание, даже абсолютно не свидание, мы всё равно непроизвольно разделились на пары, тем более играли двое на двое.

Я «выбрал» для себя Дубинину, потому что Сагидзе – вообще не вариант. Она толстая, а я не из числа любителей пышных форм, но это ладно, плевать. Главное, с ней тоска и напряг. Даже выдув пол-литра пива, она не стала ни на грамм разговорчивее. Самое большее – шепталась с Алёнкой. Но зато она мигом сообразила, как играть, и, несмотря на неуклюжесть, раз за разом выбивала страйки. Била она мощно и

точно. Зато у Алёнки что ни удар, то гаттербол, в лучшем случае – сплит.

Я умотался ей показывать, объяснять, ставить, как надо, – она только хохотала, сверкая ямочками, и в очередной раз забрасывала шар в гаттер.

Потом я рукой махнул. Злиться на неё было бессмысленно, хотя по жизни я не терплю поражений, просто она каким-то образом умудрилась заразить меня своей весёлой дурашливостью. Мы обсмеивали всё и вся, хохотали над каждой мелочью, как будто веселящего газа нюхнули.

В итоге наши противники – серьёзные молчуны Макс и Сагидзе – по счёту нас обскакали.

- Дуэт Чибисов-Сагидзе вырвался вперёд и заслуженно получил звание супер-боулер сезона осень две тысячи двенадцать!

В этот вечер меня как прорвало молоть всякую чушь, но Алёнка хохотала над каждым словом.

Домой расходились тоже парами. Сагидзе я сбагрил на Макса, а сам вызвался проводить Дубинину. Темно как-никак. Правда, жила она далековато, на бульваре Постышева, почти у самой Ангары.

Сагидзе буркнула, что сама дойдёт, без Макса (тут я её понимаю, потому что большой вопрос, кто из них кого стал бы защищать в случае надобности), а Алёнка без разговоров ухватила меня за локоть. И правильно, чего ломаться-то?

На улице противно моросило, ветер пробирал до самых костей. Но она лишь восклицала, шумно вдыхая носом:

- Ах! Как чудно пахнет свежестью!

Я тоже вдохнул полной грудью и подумал, что и в самом деле воздух пахнет приятно. А ведь я всегда замечал осенью только сырость, лужи и слякоть.

Её смешливое настроение стало чуть спокойнее, но она всё равно шла и пританцовывала, загребая носком сапожка прелые листья.

- Сегодня замечательный вечер! Спасибо тебе огромное!

- Да ладно, что такого, - от её восторга я даже малость смутился.

- Не скромничай! Я особенно за Нину радуюсь. Знаешь,

как ей тяжело живётся! Отца у них нет. Мать торгует на рынке, а Нина с младшими сидит. У неё четыре маленьких братика...

Слушать о тяготах жизни семьи Сагидзе мне не хотелось, но из вежливости я поинтересовался:

- А что она такая молчаливая? Она вообще вслух разговаривает?

- Ну да, - хохотнула Алёнка, а потом на полном серьёзе выдала: - Это она просто тебя стесняется. Ты же красивый.

Я не застенчивый, но тут не нашёлся что ответить. Да и сказала она так запросто, будто это обычное дело – отвечать комплименты парням, с которыми знаком без году неделя.

Красивым меня раньше никто не называл, в глаза, по крайней мере. Инга в лучшие наши моменты говорила: «Ты у меня такой классный!». Мама называла видным. А так – больше никто. Да и без разницы, я не девочка, чтобы комплименты собирать, но совру, если скажу, что мне не было приятно это неожиданное откровение.

- Знаешь, когда ты только появился в нашем классе, я сразу подумала – ну вот, ещё один мажор. Да, да, я думала, что ты – из этих и задавака к тому же. Считаешь себя пупом земли, на других плюёшь. Ну, типа нашего Мальцева. В общем, сплошное самомнение на пустом месте. Ну, если честно... есть в тебе что-то такое... И это поначалу отталкивает. Поэтому я удивилась, что ты стал с Чибисом общаться. А теперь

ещё и нас с Ниной позвал... И такой праздник нам устроил! Ты, оказывается, наш человек. Такой же, как мы.

Вся приятность от «красивого» мгновенно улетучилась. Вот вам и здрасьте! Сначала задавака и мажор! На других плюю! А под занавес вообще «радость» – я, оказывается, такой же лошок, как Макс и Сагидзе. Второй сорт. Да уж...

Дубинина наверняка думала, что осчастливила меня, причислив к «своим людям». И ведь она действительно говорила то, что думала. Мне захотелось ужалить её, но не в лоб, не чтобы поругаться. Я ведь и не думал показывать, что меня задели её слова. Просто хотелось отплатить той же монетой – под соусом дружеского откровения сказать что-нибудь этакое, горько-правдивое. Чтобы обидеть девчонку, самое верное – пройти по её внешности. Но в последний момент я осёкся. Подумал, что это будет зло, мелко и, может, даже низко. Но я же не такой, я же не злобный обидчивый придурок. Ну, надеюсь. Так что просто перевёл разговор.

- А почему вас с Сагидзе не позвали на день рождения к Яковлеву? Вас всегда так игнорируют?

- Угу, - кивнула она и беззаботно, почти весело добавила: - Фейсом, видать, не вышли. Ну ещё мы – нищebroды, как говорят Мальцев и Голубевская. Нас же папочка на джипе не забирает из школы. Да у нас и нет ни папочки, ни джипа. Нет, ты не думай, я не плачусь. Нам и вдвоём с мамой хорошо. А по сравнению с тем, как живёт Нина, – так вообще рай. Но, видишь, такие как Мальцев и Голубевская от нас носы

воротят.

Мне вдруг стало неловко.

- А Макса тогда почему? Он же из норм... прости... Вроде его-то семья далеко не бедствует.

- Но и до наших мажориков им как до луны. Среднячки. Такие у наших тоже не котируются. Хотя Макса не поэтому игнорят. На нём все привыкли ездить и ноги об него вытирать. Меньше были, классе в четвёртом-пятом, его ещё и лупили постоянно. Не сильно, конечно. А так, мимоходом, ради забавы. Какой-нибудь Яковлев пробежит мимо него и пнёт под зад. А Сачков так вообще постоянно его на весь класс высмеивал. Ты заметил, что они у Макса списать и не просят, а просто берут? А когда нам задают сделать дома какой-нибудь проект или презентацию, бедняга Чибисов делает эти проекты на полкласса.

- Сам виноват. Отказался бы. И вообще с наглыми надо по-наглому.

- Ну да. Но, видишь, его раньше пацаны лупили, может, поэтому робеет, а может, характер такой...

Мы добрались до панельной пятиэтажки, которая в тусклом свете фонарей выглядела грязно-бурой.

- Мой подъезд, - объявила Алёнка, махнув рукой на чёрную железную дверь. – Хочешь, зайдём, чаю попьем?

- А мама что скажет?

- А ничего не скажет. Она сегодня на дежурстве в ночь, уже ушла. Мама у меня медсестра в детской больнице. Так

что я сегодня хозяйничаю.

Я не знал, хотелось мне заходить к ней или нет, наверное, даже нет. Но пока мы шли, я промочил ноги, да и вообще продрог. Так что горячий чай мне бы не помешал.

В подъезде воняло кошачьей мочой и подвальными испарениями. Вдохнув, я содрогнулся от отвращения.

А ещё было так темно – хоть глаз выколи. Ни одной лампочки на весь подъезд.

- Темно у вас.

- Да. Просто люди такие пошли... Только вкрутишь лампочку, кто-нибудь сразу вывернет.

В потёмках мы поднялись на два пролёта. На площадке у самой лестницы Алёнка остановилась, видимо, рылась в сумке, искала ключ. Я её сперва не увидел, просто медленно поднимался следом и... столкнулся с ней. Просто шагнул – и вдруг уткнулся носом в её затылок. От неожиданности я едва не потерял равновесие и непроизвольно схватился за неё. Можно сказать, обнял. За талию. Прижался к ней сзади. И замер, всем телом чувствуя её тепло и еле уловимый трепет, вдыхая запах волос – запах дождя, осени и... женщины. Она тоже напряжённо застыла.

Меня тут же бросило в жар. Повинуясь порыву, я прижал её к себе ещё крепче... но почти сразу опомнился и убрал руку. И вдруг дико смутился. Нестерпимо. Так что отпрянул и быстренько распрощался.

- Слушай, совсем забыл, я же матери обещал... там... короче, мне надо бежать. В другой раз угостишь чаем. Пока.

И пулей вылетел из подъезда. Железная дверь гулко хлопнула за спиной.

Дождь и пронизывающий ветер мигом остудили весь пыл, но позже, уже дома, я вспомнил, как мы с ней стояли близко-близко, и тотчас снова ощутил сладостное томление. Чёрт-те что!

Эта вечерняя прогулочка под дождём и аукнулась простудой. Уже в субботу я малость занемог, а в воскресенье и вообще разболелся. Мать даже растерялась. У нас вообще в семье не болеют, даже когда свирепствует какая-нибудь дикая эпидемия гриппа, нам хоть бы хны, и тут вдруг я так расквасился.

- Что делать? – спрашивала она меня, хлопая глазами. – Я не знаю, что в таких случаях делают. Может, врача вызвать?

- Ничего не надо, - отмахивался я. – Отлежусь и поправлюсь.

- Ну ладно. Но, если станет хуже, зови.

- Угу.

Она меня почти не тревожила, только пару раз заглянула удостовериться, что я лежу, болею, но живой и умирать не собираюсь.

В понедельник о школе она даже и не заикнулась, наоборот, сказала, что сама позвонит и сообщит классной, что я

заболел.

Определённо, и в болезни кое-какие плюсы имелись. Ну, помимо законных прогулов. Во-первых, выпался. Во-вторых, никто меня не тормозил. От всякой работы по дому тоже освободили. На тренировку, опять же, не пошёл.

В общем-то, на тренировки мне ходить не в тягость, даже наоборот, я люблю поразмяться, но в последнее время Палыч на меня ополчился, да и Богатырёв уже как кость в горле.

Я всё думал, напишет мне Дубинина что-нибудь, ну, там, хоть «привет», или не напишет. Всё-таки она последняя, с кем я виделся накануне. Целый вечер вместе провели, и неплохо провели. Так что она не могла не заметить моего отсутствия. Но она не звонила и не писала.

Не то чтобы я расстраивался, но было немного неприятно. Просто Алёнка казалась мне такой... естественной, что ли. Без этих дурацких заморочек, типа: первой парню ни за что не звонить! Не подходить! И вообще делать вид, что его не замечаешь. Это Ингина тактика.

В общем, я решил, что Дубинина... искренняя, без затей, без уловок – что на уме, то и на языке. Я ей нравился, я это чувствовал. В пятницу, когда мы с ней смеялись, когда потом домой шли, когда обнимал её, чувствовал...

Под вечер меня ни с того ни с сего сморило. Снилось всякая белиберда, будто меня зачем-то запихнули с головой в спальник, застегнули и толкнули с горы. И я качусь по кочкам – не больно, но неприятно. Ещё и задыхаюсь. А оказа-

лось, я лежал под одеялом, а мать меня тормозила. Я дёрнулся и слетел с дивана.

- Ты что так под вечер разоспался? Что ночью-то делать будешь? И вообще к тебе гости.

Я едва успел натянуть треники и майку, как мать завела в комнату Макса и Алёнку. Навестить пришли. Ещё и всякой всячины с собой понатащили: кисель в литровой банке (Алёнка сама сварила из брусники – от простуды, мол, самое оно), апельсины, яблоки, шоколад.

- Тебе надо побольше пить, чтобы быстрее поправиться, - щебетала Алёнка. – И фрукты ешь, это всегда полезно.

- Как вы вообще узнали, что я заболел?

- Иван Валентиныч сказал.

Я недоумённо уставился на Дубинину:

- Кто это?

Она захохотала, запрокинув голову.

- Это классная наша, Валентина Ивановна. Ну, она такая у нас мужеподобная, ты ж видел! Мы её по приколу и называем Иван Валентиныч.

Я улыбнулся Алёнке. Думал, что между нами будет неловкость, после того случая в подъезде, но нет, Алёнка вела себя ещё непринуждённее, чем раньше.

Неужели мне просто померещилось, что в тот момент между нами что-то возникло? Хорошо, не возникло – пробежало. Может, она поняла, что я всего лишь нечаянно за неё ухватился, чтобы не упасть? Собственно, так оно, конечно,

и было. Но ведь не только... Я ведь сам не свой был. Меня от такой, по сути, мелочи повело вообще конкретно. Думал, и она... Или я, идиот, насочинял себе неизвестно что? Глядя, как беззаботно она болтает, я начинал убеждаться, что так оно и есть. Хорошо, хоть ей ничего по этому поводу не сказал, а то бы в лужу сел.

Она снова завела свою песню про мажориков:

- А у тебя круто дома! Я даже проходить боялась. Ты что, всё-таки тоже из буржуев? Ну ничего, хоть ты и мажорик, но очень даже классный, правда, Макс?

Макс всё это время помалкивал. Да Алёнка и не давала ему слова вставить. Рассказала, что происходило в школе: как все по сто раз пережёвывали минувший яковлевский день рождения, как понахватали двоек по физике, потому что для Ольги Николаевны именины Яковлева не повод, чтоб не подготовиться к уроку, как она напрягла всех рефератом – якобы шанс исправить двойку, как затем все дружно перепихнули свои рефераты на Макса.

- Не делай, - велел я.

- Как? – моргнул он.

- Никак. Не делай, и всё. Пусть сами пыжатыся.

- Даже Мальцеву? Я не смогу ему это сказать.

- А ты смоги! Ёлки, смотреть противно, как ты перед ними на задних лапках выпясываешь. Пошли всех нафиг.

Алёнка поддакнула, посмотрев на меня:

- Всё верно! Олег правильно говорит.

И тут я встретился с ней глазами. Невозможно выразить словами, как это происходит, но в ту же секунду её взгляд изменился. Беспечность вмиг испарилась, зато проступило вдруг столько всего: дикое напряжение, смущение, растерянность, стыдливость и что-то ещё, чему я не знаю слов.

Выходит, ничего мне не померещилось! Меня тут же словно горячей волной окатило.

Потом мама позвала их отужинать с нами, но они отказались и быстро свинтили. И правильно сделали, мама у нас тот ещё кулинар. Нет, самое элементарное у неё получается более-менее сносно, ну там, яичницу пожарить, пельмени отварить или пюре из картошки сделать, но что посложнее – просто беда. Если жарит мясо, то оно у неё выходит жёсткое, как подошва. Пирог у неё сверху подгорают, а внутри – сырое тесто. Если варит борщ, то есть его можно только если прям сильно голодный. Мы-то с отцом всё равно едим, потому что привыкли (да и то в основном на бутерах выезжаем), а перед посторонними людьми неловко.

- А что это за девочка? - сразу полюбопытствовала мать.

- Из класса, - буркнул я.

- А у вас какие с ней отношения?

У меня брови поползли вверх. Вот придумала!

- Ты что? Какие отношения? Просто одноклассница.

Мама посмотрела на кисель и фрукты и многозначительно

улыбнулась:

- Ну-ну...

- Вот не надо ну-ну. Говорю же, одноклассница и не более. Просто она добрая.

- Добрая – это уже хорошо, - изрекла мама. По-моему, я её не убедил.

А Алёнка... естественно, она – просто одноклассница, которую до пятницы я даже не замечал. Сам удивляюсь, почему на меня вдруг нахлынуло тогда, в подъезде, и сейчас... Ещё больше недоумеваю, почему постоянно об этом вспоминаю, думаю, представляю себе всякое... ну, как мы... Чёрт, совсем мозги набекрень! В общем, я решил выбросить этот бред из головы.

Проболел я неделю. Как только перестал шмыгать носом, пошёл в школу, как сознательный. Потому что родителям моя учёба стала вдруг до лампочки. Серьёзно. То они, мама в особенности, над душой стояли с этими уроками, шагу не давали ступить. Вечно приставали с расспросами, оценки проверяли и вообще активно интересовались моей школьной жизнью. Теперь мать лишь изредка спрашивает, как дела, на что я неизменно отвечаю: «Нормально». Вот и весь диалог.

С отцом же и вовсе что-то непонятное творится. Какой-то замкнутый стал, сам на себя не похож. Пропадает с утра до ночи. Или, бывает, запрутся с матерью в спальне и шепчутся. Неужели это из-за аварии в Турунтаево?

Отец так и не рассказал толком, что там случилось. Но именно с той ночи и пошли эти их шушуканья по углам и прочих напряг.

Краем уха я слышал, что вроде кто-то пострадал, но кто точно, где и при каких обстоятельствах, выяснить не удалось. Пробовал у дяди Юры выпросить, но тот лишь пыхтит в усы и виновато помалкивает. Ясно – батя и его успел обработать. Партизаны.

Сначала я нервничал, злился – за кого они меня принимают? Могли бы и рассказать. Не маленький ведь уже. А по-

том надоело. Да пусть шепчутся сколько влезет, я в их дела больше не сунусь.

У меня вон школа, ЕГЭ на носу – это я уже мать передразниваю, конечно. Я вообще в этой каше, что называют школьной программой, ни черта не понимаю. Зачем нам су-ют столько предметов? Мне лично две трети из этого в жизни никогда не пригодится. Читать, писать, считать научился – спасибо. Зачем мне забивать голову тангенсами-котангенсами? Или чем мне помогут в будущем всякие Паскали и Омы? Моя судьба – футбол. Так что я свободно обойдусь без этих премудростей.

Но хочешь не хочешь, а в школу тащиться надо, а то ещё выгонят со справкой вместо аттестата.

Только вошёл в класс, сразу выцепил глазами Дубинину. Она тоже увидела меня. Тут же расцвела, ещё и рукой помахала, будто сто лет не виделась. Эти её жестикуляции, само собой, не ускользнули от подружек, Голубевской и Потаниной. И посыпались насмешки.

- О-о! Я что-то пропустила? Вы это видели?
- Дубинина на новенького запала! Вон аж подпрыгнула!
- Что, Дубинина, соскучилась? Радость прямо из ушей хлещет.
- Ты ему ещё на грудь кинься, такая трогательная встреча будет.

В классе захихикали. Мне стало немного неловко. Ну правда, к чему такой взрыв эмоций на глазах у всех? Но тут же вспомнилось, как Дубинина ко мне всю неделю бегала, так сказать, навещала больного товарища. И не с пустыми руками: то компот притащит, то булочки, то пирожки – и всё собственного приготовления. Стряпня у неё, кстати, отменная. Я целую неделю отъедался. Вот бы маме такие научиться печь!

В четверг она приходила одна, без Макса. Забежала продрогшая, как всегда лохматая, глаза горят.

- Я на пять минут! – предупредила с порога.

- А Макс где? – я уж привык, что они навевались ко мне на пару.

- А его математичка оставила после уроков. К олимпиаде по алгебре готовится.

- Горе от ума, - хмыкнул я. – Ну, проходи.

- Да я ненадолго.

- Ну, ненадолго проходи, - я с деланным равнодушием пожал плечами, мол, как хочешь, особо уговаривать не собираюсь.

Проходить она не стала, потопталась у порога. И разговор никак не клеился.

Странное дело, когда Дубинина приходила с Максом, мы с ней болтали запросто. А тут вдруг оба растерялись. И как назло опять всплыл на ум тот случай в подъезде. Ведь это даже не случай, так, ерунда, мелочь, длиною в пару секунд...

Что ж из головы-то никак не выходит?! Поймал себя на том, что тянуло снова её обнять. Но я сразу стряхнул эту дурь и вперился в неё взглядом, не то с раздражением – в конце концов, надоело уже маяться, не то с интересом – охота же понять, чем это она так впечаталась в память.

Вот именно, чем?! Лицо бледное до синевы, а кончик носа красный. В ушах маленькие белые камушки под жемчуг, но даже мне видно, что это дешёвая бижутерия. Сама стоит, мнётся, голову вжала в воротник куцей куртёшки, как будто шеи нет. Волосы выбились из хвоста и висят, как сырая солома. Только глаза офигительные, синюющие такие, но она их опускает. И вот губы... на них можно соблазниться, ещё как можно!

И снова в голове зашевелились всякие мысли... И не только в голове – всё нутро будто потянулось к ней. К счастью, стоило мне об этом подумать, как она тут же встрепенулась, заявила, что ей пора бежать, и смылась. Только выгрузила из сумки кулёчек с печеньем да сунула мне листок с домашним заданием. Это чтобы я занимался самостоятельно, не отставал. Листок, разумеется, нечитанным был выброшен в мусорное ведро, а печенки я съел с удовольствием.

А в пятницу они пришли уже с Максом. И хотя вроде как общались непринуждённо, она явно избегала смотреть мне в глаза. Да и разговорчивости в ней поубавилось. А в выходные мы не виделись.

Хихиканье и подколки продолжались. Дубинина отмалчивалась, будто все эти шпильки не в её огород. Причём она умудрялась каким-то удивительным образом не терять лицо. Обычно ведь как? Если над тобой глумятся, ты либо отстаиваешь свои позиции кулаком или словом, кто как умеет, либо молча терпишь издёвки и показываешь всем, какой ты жалкий и никчёмный. Дубинина же показала, что бывает и третий вариант. Она не отвечала на подколки, точно не подпускала их к себе, и всем видом демонстрировала, что ей глубоко плевать на мнение обывателей, которые пусть хоть лопнут от натуги, а настроение ей не испортят. Наверное, если бы она выглядела обиженной или огорчённой, я бы тут же вступился за неё. А так... я даже замешкался.

Пока думал, встрять мне или не стоит, Сачков подал голос, куда ж без него. Даже странно, что он так долго держался.

- А новенький-то быстрый какой. Не успел прийти, а уже по девочкам пошёл.

Тут я не вытерпел. Тем более Сачков – пацан, с ним церемониться не надо.

- Завидно? И вообще, у меня имя есть. Или память отшибло?

- Ага, отшибло, - ёрничал Сачков. – Как там тебя? Решёткин?

Класс дружно хохотнул, только Макс нахмурился да Алёнка прошипела:

- Придурки.

- Или Решетян? А может, Решетидзе? – не унимался Сачков, уже работая на публику. В чём юмор, я не понял, но этот рыжий вывел-таки меня из себя.

Честно говоря, словесные перепалки – не мой конёк. Не умею я убить словом. Но у меня есть другие аргументы.

Я медленно поднялся и направился к нему. Сачков продолжал балаболить, но я-то видел, как у него беспокойно забегали глаза. Я уселся на его парту прямо перед ним, скинув тетрадь и учебник на пол, затем щёлкнул его по лбу. Не слишком больно, просто для острастки. Он ойкнул, рванулся из-за парты, но я придержал его за плечо.

- Тихо сиди. Значит, так, клоун. Я говорю один раз, а ты запоминай: зовут меня Олег Решетников. Повтори.

Он молчал. Я сдвинул плечо крепче. Рыжий скорчился и выдавил:

- Олег Решетников.

- Умница! А насчёт девочек и всего остального советую помалкивать. Втыкаешь?

- Угу.

Я вернулся на место под всеобщее гробовое молчание. Только потом, уже на уроке, уловил чей-то шепот: «Нифига

новенький борзый!».

Вторая часть Марлезонского балета разыгралась на перемене перед физикой. Честно говоря, у меня и в мыслях не было устраивать бучу. Так уж вышло.

Перед кабинетом Мальцев оттеснил в сторонку Макса и принялся что-то ему втирать. Я уловил только «должен» и «реферат». Судя по всему, Макс послушался моего настоящего совета и забил на их рефераты, за что теперь его прессовали. Я вмешался как раз тогда, когда они ухватили Макса за грудки и затащили в туалет. Что в туалет – так это даже хорошо, лишние свидетели мне и самому не нужны.

Я зашёл следом. И очень вовремя, потому что ещё в предбаннике услышал:

- Сучонок позорный, или ты делаешь нам рефераты, или шас в толчок башкой будешь нырять, гнида!

Я попытался разрулить ситуацию на словах, но разойтись миром Мальцев отказался наотрез. Видать, реферат был очень нужен.

- Слышь, новенький, ты вали отсюда по-хорошему, пока сам не огрёб.

- Это от кого? От тебя что ли, кучерявый? – усмехнулся я.

Мальцев сразу же выпустил Макса и двинулся ко мне. А дальше пошло по накатанному: секунда делов – и звёздные мальчишки уже корчатся на полу. Напоследок я ещё раз посоветовал им отвязаться от Макса:

- Всё, пацаны, лавочка прикрылась. Теперь учимся сами,

ясно? Ну или ищите себе другие трудовые резервы.

Затем буквально выволоч оттуда Макса, на которого от избытка впечатлений столбняк напал. Он и в самом деле так расчувствовался, что и на физике никак не мог прийти в себя. То горячо благодарил, то причитал, что вдруг они захотят мне отомстить и я из-за него пострадаю.

- Да брось ты, - как мог успокаивал его. – Ну что они мне сделают?

Мальцев с Яковлевым, кстати, на физику вообще не явились, за что получили заочно по паре, уже чернилами и в журнал. Собственно, не они одни, потому что из тех, кого обязали подготовить реферат, сделали его от силы трое. Остальные сердито косились на Макса, но осторожно помалкивали.

Физичка метала громы и молнии и так ругалась, что Макс наконец вышел из эйфории.

К пятому уроку слушок о нашей стычке уже расплылся по школе. Я заметил, что одноклассники стали поглядывать на меня совсем иначе. Украдкой, но с любопытством, что ли. Только Мальцев буравил волчьим взглядом. Выглядел он при этом малость комично: верхнее левое веко набрякло и глаз наполовину заплыл.

Зато Дубинина, которая после утренних насмешек ко мне не подходила, тут не стерпела и излила очередную порцию восторгов. Забавная! Но приятно, чего уж скрывать.

Так началось моё противостояние мальцевской клике. Хотя противостояние – это слишком громко сказано. Никто из них меня не трогал, разве что шептались за спиной. От Макса тоже отвязались.

Единственный раз – дня через три после истории с рефератом – сунулся было к нему патлатый, Дота, насчёт списать, но я ему и договорить не дал, объяснил популярно, что списывать нехорошо, а главное, чревато для его здоровья.

Он лишь бросил недоумённо-беспомощный взгляд на Мальцева. Ну а Мальцев скроил в ответ надменно-равнодушную мину, мол, не царское это занятие в мелкие дразги вмешиваться.

Сам-то я у Макса списывал всюду, но тут другое дело, на то мы и друзья. Хотя какие друзья? Так, приятели. У нас с ним общего только парта.

За неделю до конца первой четверти вышел физрук. Все полтора месяца с начала года он неизвестно где пропадал, говорят, отсутствовал по семейным обстоятельствам. Его замещала какая-то клуша, которая томила нас всякой ерундой.

Один раз отчебучила – вместо урока велела обратиться на территории школы. Мне ещё метлой махать для полного сча-

ствия не хватало! Достаточно того, что летом на тренировке траву на стадионе стрижем. Так что потом я вообще не показывался на физкультуре.

А вот физрук, Иван Артемьевич, с виду показался мужиком серьёзным. В возрасте, но не дряхлый. Суровый, но не злобный. И главное, в неплохой форме. Физрук или тренер, который сам как мешок, для меня уж точно никак не авторитет. Это как сапожник без сапог. А здесь понятно, что в спорте человек не просто наблюдатель. Так что я порадовался, люблю же физру. Зато остальные приуныли. Особенно Макс.

- Лучше б он вообще не возвращался. Сейчас начнёт нас гонять до полусмерти. Он - зверь!

И верно, прохладиться физрук не давал.

В первый же день, как он вернулся, мы прыгали через «козла». Парни – подтянув колени к груди, девчонки – ногами врозь.

Вот это было представление! Все такие прыгуны как на подбор. Прямо отряд гимнастов. Я еле сдерживал смешки, глядя на неуклюжие потуги одноклассников.

У Макса глаза сделались такие, будто ему не через «козла» предстояло прыгать, а в пропасть с крокодилами. Да и другие немногим лучше. Удивил Болдин – выполнил почти отлично.

Меня же физрук загонял:

- Покажи ещё раз, как надо. Молоток!

Потом вдруг замер и сосредоточенно уставился на меня.

- А ты случаем в футбол не играешь?

- Угу, - кивнул я. – Играю.

- В «Звезде»?

- Да, в юношеской сборной.

- Да-да, у вас же Пал Палыч тренер? Мой хороший друг, кстати. А я смотрю, что-то знакомое в лице, видел тебя где-то... Стоп, Решетников... - он заглянул в журнал. – Точно! Как я сразу не сообразил! Олег Решетников! Да ты ведь у него нападающий! Он же про тебя все уши прожужжал – такой талант отыскал! Самородок! Будущая звезда отечественного футбола.

Я даже слегка сконфузился от его речей и от того, как разом все вытаращились на меня, разинув рты. Одна Алёнка светила довольная, будто это её только что нахваливали.

Да и физрук тоже как-то вдруг вдохновился. Давай бомбить меня вопросами, пока не вспомнил про урок.

- Ну, ещё поговорим. Ты заходи сюда, если что... А вы что рты пораскрывали, лентяи? Вот попомните моё слово, ещё гордиться будете, что со звездой в одном классе учились.

Потом Иван Артемьевич громко хлопнул в ладоши:

- А ну-ка, теперь девочки приготовились.

Ко мне подвалили Мальцев и Яковлев.

- Что, правда, ты – футболист из «Звезды»?

- Нет, мы тут с физруком специально для вас сценку

разыграли.

- Не, серьёзно...

- Из «Звезды», из «Звезды».

- Что ж ты раньше-то не сказал?

Я дёрнул плечом.

- А это что меняет?

Мальцев тоже пожал плечами, мол, ничего, конечно, но... Это «но» чувствовалось, даже очень, и в нём, и в остальных.

У Голубевской, которая до этого здоровалась-то сквозь зубы, и то, если лоб в лоб с ней столкнёшься, аж глаза заблестели по-особому, когда она посматривала в мою сторону.

Физрук свистнул.

Девчонки долго перепирались, кому прыгать первой, стонали, визжали, но по технике прыгали лучше парней. Изящнее. Хотя ногами врозь, конечно, проще, но на то они и девчонки.

Алёнка вообще перемахнула влёгкую и не мялась, как остальные: «Ой, мамочки, боюсь».

Это мне в ней нравится: надо – делает, а не кудахчет и не строит из себя ранимо-беспомощную.

А вот её подружка Сагидзе отмочила номер: сначала никак не могла осилить высоту, наваливалась пузом и беспомощно висла. А с третьего захода вообще завалилась вместе с «козлом» на мат. Поднялся дикий хохот.

Положа руку на сердце, зрелище и правда вышло смехотворное. И разбег, и полёт, и то, как она распласталась. Так

что и я смеялся, и даже скромняга Макс прыснул. Только Ивану Артемьевичу, понятно, было не до смеха.

Он подлетел к ней, бледный с перепугу, но, слава богу, Сагидзе приземлилась без явных повреждений. По крайней мере, руки-ноги-голова целы.

Не смеялась и Алёнка. Метнув на нас гневный взгляд, подбежала к Сагидзе, увела подругу в раздевалку.

От её взгляда стало не по себе. Даже сконфузился. Мне, конечно, по большому счёту плевать на Сагидзе. Но... вроде как вместе играли в боулинг, да и Дубинина над ней вон как трепещет. А мне почему-то стало не всё равно, что обо мне думает Алёнка.

Не то чтобы я стремился её очаровать, вовсе нет. Далеко нет! Но очень не хотелось, чтобы она считала меня гадом. Может, потому что она такая хорошая? Или оттого, что меня к ней непостижимым образом тянуло? А может, просто привык к её восторгам, которые тешили моё израненное самолюбие? Не знаю...

После урока меня задержал Иван Артемьевич – всё спрашивал про наши тренировки да про игры, между делом пытаюсь заарканить меня и в свою какую-то секцию, так что в кабинет истории я пришёл перед самым звонком.

Исторички пока не было, и все дружно клевали бедную Сагидзе, а она сидела багровая – смотреть жалко. Рядом сердитая Алёнка вертела головой и как могла огрызалась. Но её упрёки тонули в общем хохоте и гвалте.

- Слониха козла завалила!

- А кто-нибудь снимал? Кто-нибудь снимал, говорю? – верещала Голубевская. – Блин, что, никто не додумался такой кадр заснять?

- А давайте мы её на бис попросим. Пусть повторит!

- Эй, жирная! – крикнул Сачков.

Сагидзе как окаменела, только пылающие щёки и выдавали, что она всё слышит, всё понимает. Тогда Сачков стянул с соседней парты ластик и метнул в неё. Сагидзе дёрнулась.

- Чего, жирная, молчишь, когда тебя люди спрашивают? Ты зачем на козла набросилась? Повторишь свой номер?

Я далеко не Робин Гуд, но не люблю, когда все на одного. Да и Алёнка посмотрела на меня так, словно молча взмолилась: «Помоги!»

- Отвали от неё, рыжий. И вы все заткнитесь. Чего привязались к человеку?

- Да это же шутка, - хихикнул Сачков.

- Ещё одна такая шутка в её адрес, и я с тобой сам пошучу.

Сачков как-то сразу скис. Угомонились и остальные.

Уткнулись в учебники. Стало тихо.

Я подмигнул Алёнке и прошёл за свою парту. А потом... мне прилетела от неё эсэмэска: *«Олег, ты самый лучший! Ты самый, самый, самый! Я люблю тебя»*.

Вот так запросто – люблю тебя и всё тут.

Я чуть телефон не выронил. Разволновался и вообще впал в ступор. Что делать? Мы же вроде просто дружили. Как вот с Максом дружим. Как теперь с ней общаться? И что ей ответить? Спасибо, мне очень приятно. Да, она мне нравилась. Иногда даже очень. Но «люблю» и всё, что из этого вытекает, – совсем другое, к чему я совершенно не готов.

И как теперь? Отшить её? Сказать: прости, но я тебя не люблю? Но это же как ударить. Я так не могу. Да и привык к ней. Ну зачем, зачем она это написала?

Весь урок я маялся и в конце концов решил на эсэмэску никак не отвечать, сделать вид, будто ничего не произошло, и общаться с ней по-старому. То есть просто по-дружески. А если вдруг сама заведёт разговор на эту тему, скажу ей правду, что ценю её как друга, отношусь к ней, как к другу.

Чёрт, надеюсь, она такой разговор не заведёт. Ненавижу выяснять отношения, слова подбирать всякие...

После уроков хотел быстро смыться, но на лестнице меня зацепила классная. Как там её прозвали? Иван Валентиныч? В точку. Ухватила меня за рукав жёлтыми крючковатыми пальцами. Неприятно! Едва сдержался, чтоб не сбросить её костлявую руку, торчащую, как кривая ветка, из распуха рукава. Вблизи увидел, что пиджак её был не просто старомоден, а заношен в хлам. Обшлага лоснились, кромки потёрлись и местами свисали бахромой.

Пока я разглядывал её обветшалый наряд, она пилила мне мозг по поводу оценок:

- Сочинение ты не сдал. По геометрии – одна тройка за всю четверть! По физкультуре – сплошные энки. Почему столько пропусков? Как прикажешь тебе выставять четвертные оценки?

Мимо прошли Мальцев с компашкой, причём Голубевская стрельнула многозначительным взглядом, потом прощмыгнул Мужичок-с-ноготок Толя Болдин, затем на лестницу вывернули Макс, Сагидзе и Дубинина.

Классная мурыжила меня ещё минуты три и в конце концов велела подойти к каждому учителю, договориться и взять задание.

- У тебя на всё про всё неделя!

Как будто я сам не знаю, сколько до каникул осталось.

А внизу, на первом этаже, у гардероба, меня поджидал

Макс.

- Где Дубинина? – спросил я.

- Они с Сагидзе уже ушли, куда-то торопились.

С одной стороны, я облегчённо вздохнул – прикинуться шлангом, когда из головы не выходит это «я тебя люблю», не так-то просто. А с другой, стало даже чуть досадно – торопилась она, ушла! Как будто ничего не произошло, как будто она об этом походя написала. А мне хотелось заглянуть ей в глаза, проверить, правда ли это. Нет, понятно, что правда. Алёнка не дура и шутить такими вещами ни за что бы не стала. Но понять бы: она имела в виду, люблю по-дружески или другое...

- А что от тебя классная хотела? – оторвал меня от размышлений Макс.

- Да насчёт учебы вправляла мозги. Какое-то сочинение из меня хочет выжать и вообще...

- Давай я тебе помогу, - с готовностью вскинулся Макс.

- Естественно, поможешь, - усмехнулся я, потому что на него и рассчитывал.

Макс оказался хуже моей матери в её самые строгие дни. Из школы он прямоиком шёл ко мне – и не отвяжешься ведь. Занимался до самой тренировки. Возомнил себя суперпедагогом и решил мало-мальски поднатаскать меня за неделю по всем предметам. Без конца разжёвывал какие-то формулы, логарифмы, вдабливал правила.

Я честно слушал, сколько мог. Пока у меня в мозгах не начинало всё плыть, и тогда я бессильно ронял голову на стол.

- Тут надо понять, какая главная идея в рассказе. — Мы с ним корпели над сочинением по «Судьбе человека», которое с меня трясла классная.

- Идея... идея..., - бормотал я почти бессвязно, стараясь собрать мысли в кучу.

- Ты вообще его читал?

- Слушай, Макс, я тебя уже боюсь, - отшучивался я.

Но Макс поправлял очки и снова вгрызлся в мой обесиленный мозг. Я упрасивал его написать сочинение вместо меня, но он не поддавался ни на какие уговоры.

- Ну тебе-то какая польза будет, если я напишу?

- Как это какая?! Оценку хорошую получу, и классная отвяжется.

- А в следующий раз? Что ты будешь делать потом? А на ЕГЭ? Надо же научиться. Да тут всё просто. Главное — вникнуть.

Ничего себе просто!

- А для чего мне это понимать? Мне это не пригодится.

- Откуда ты знаешь?

- Ну, наверное, оттуда, что на футболе экзамены по литературе не сдают и всю остальную муть тоже не спрашивают.

Но Макс снова «включал учителя» и нудил, нудил, нудил

до потери пульса. Но «Судьбу человека» я всё-таки прочёл и даже впечатлился, серьёзно, а потом и сочинение написал под его чутким присмотром.

- Так, всё неплохо... совсем неплохо! Суть ты уловил. Только вот... мысли у тебя скачут. Хотя вроде всё по нашему плану. Слушай, ты, когда не знаешь, как плавно перейти от одного предложения к другому, делай проще – начинай с нового абзаца. Ну и с запятыми у тебя совсем беда!

Я строил кислую мину, и Макс тут же менял курс:

- Но ты не отчаивайся. Важнее всего, что ты научился выражать свои мысли, и довольно толково. А запятые не главное! Вон Байрон вообще знаки препинания игнорировал. Хотя... на экзамене это не будет аргументом.

И начинал мне втолковывать правила, как надо писать.

- Уу-у! Зачем мне это? – изнемогал я.

Но ещё больше меня озадачивала Алёнка.

Всю неделю после той эсэмэски она меня избегала. Не звонила, не приходила, уроки только закончатся – её уже и след простыл. На переменах прилепилась к этой своей Сагидзе, как будто, кроме неё, ничего вокруг не замечала.

Я лишь со стороны поглядывал, не зная, как подступиться к Алёнке и вообще стоит ли подступаться. И не понимал, почему она так себя ведёт. Зачем, спрашивается, было тогда писать то сообщение?

А за сочинение я получил пять. Сам опешил. Хотя тут, в общем-то, моей заслуги – чуть. Всё благодаря Максиму...

Вместе с каникулами пришли первые морозы. Днём, когда ещё пригревало солнце, приходилось скакать через месиво талого снега и грязи. К вечеру ещё хуже – вся эта жижа застывала и превращалась в сплошной каток.

Нашего капитана, Дэна Ячменёва, уже угораздило растянуться и вывихнуть голеностоп. Не повезло. Хотя мне тоже не особо фортуна улыбалась. Палыч так и продолжал меня гнобить, правда, с сентября все мало-мальски серьёзные игры закончились. Но даже и на мини просиживать в запасе мало радости, да и вообще эти его заскоки достали уже!

С Максом и Дубининой за все каникулы встретились только раз.

От Макса я, честно говоря, просто устал, и даже по телефону трепаться с ним не возникало никакого желания, хотя он исправно названивал. Ну а Алёнка сама ушла в глухое подполье и ни разу не дала о себе знать.

Я тоже молчал, хотя порой тянуло послушать её голос. У неё как-то запросто получалось поднимать настроение, и теперь мне этого не хватало. Привык, видимо. Но, в конце концов, не я же ей написал: «*Я тебя люблю*», а потом резко отстранился.

Хотя, положила руку на сердце, если бы не эта её дурацкая эсэмэска, я бы, наверное, уже раз двадцать позвонил, а так...

в общем, считал, что не стоит, а то вдруг решит, что её «люблю» взаимно. Мучайся потом с объяснениями. Потому все внутренние порывы я беспощадно подавлял.

Впрочем, первым всё равно заговорил с ней я. Но получилось это незапланированно.

В предпоследний день каникул Макс как с цепи сорвался – ещё до обеда позвонил раз сорок. Я как увидел пропущенные вызовы, сразу напрягся, но перезванивать не стал. Меня такая назойливость всегда отпугивает.

Так что сходил преспокойно на тренировку, а уже дома мама сообщила, что Макс прибежал, весь на эмоциях. Оказывается, у него день рождения, а я и не знал.

Родители Макса до последнего уговаривали его не отходить от традиции и отметить в семейном кругу с тётями, дядями, бабушками, дедушками. А ему хотелось другого – с друзьями и вообще без родни.

В конце концов он гордо заявил, что тогда совсем праздновать не будет и даже из своей комнаты не выйдет. Ещё и дверью хлопнул для убедительности. Признаться, от Макса я такого бунта никак не ожидал. Лучше бы он вот так в школе характер показывал, хоть иногда.

Родители его, видать, тоже опешили, посоветовались между собой и решили конфликт не раздувать. В общем, уступили. Даже больше – накрыли поляну, а сами деликатно удалились, чтобы не мешать.

Под громким «друзья» подразумевались, правда, только

я, Дубинина и её подруга Сагидзе. Я опоздал на час или чуть больше. Прежде чем позвонить, послушал под дверь – тишина, ни шороха, ни звука. Никак не скажешь, что там собралась погудеть молодежь. Я даже подумал, не разошлись ли они уже. Но нет, позвонил – открыли. Правда, не Макс, а Сагидзе.

Сам именинник тащил в этот момент блюдо с жареной курицей и чуть его не выронил, когда меня увидел. Сразу засуетился: *«Вот тапочки, а то у нас пол холодный. Садись сюда, здесь удобнее. Что положить? Что налить?»*. А в глазах – щенячий восторг. Я даже угрызения совести почувствовал – за то, что весь день скрывался от него.

- Привет, - кивнул я Дубининой, когда вошёл в комнату. И сам себе подивился – лишь взглянул на Алёнку, и сердце сразу трепыхнулось.

Однако та сидела за накрытым столом, неподвижная, как статуя. Пролепетала в ответ что-то – не разобрать. Я зато хорош! Хотел поздороваться холодно, вернее, равнодушно, но не сдержался, и вся моя нарочито каменная физиономия расплзлась в улыбке. Я даже сам не осознавал, как соскучился. Решил, что ну их, эти извороты. Буду делать и говорить то, что хочется. Зачем себя терзать и притворяться? Ради чего? Хотя Макс настойчиво подсовывал мне самое удобное кресло, я плюхнулся на низенький диванчик рядом с Алёнкой.

- Давно не виделись, - сказал тихо, наклонившись к ней.

И... боже мой, она покраснела! Напряглась вся, вытянулась в струнку, вот-вот зазвенит. Это что-то новенькое! Где её задор, где лёгкость?

- Ты где пропадала-то?

- Да нигде... так... дела всякие были, – пролепетала она, не поднимая глаз от тарелки.

Да что с ней? Как подменили человека. То прямолинейная, как танк, что на уме, то и на языке, а тут вдруг мнётся, дела какие-то выдумывает. Откуда такая стеснительность? Мне захотелось её расшевелить, чтобы не сидела клушей. А то я к ней всей душой, а она не улыбнётся, даже не посмотрит. Прямо в какой-то анабиоз впала.

Я наклонился ещё ближе и выдохнул ей в ухо: «Я соскучился». Она ещё сильнее зарделась. Хотя... в этом её смущении было что-то трогательное и по-своему притягательное.

Надо сказать, день рождения у Макса вышел какой-то странный. Ни тебе выпивки, ни музыки, ни компании. Немая как рыба Сагидзе – разве это компания? Сам Макс хоть и сидел с блаженным лицом, но тоже молчал. А от Алёнки исходило такое напряжение, что впору электричество вырабатывать. правда, последнее меня неожиданно сильно заводило.

Ну всё равно, спрашивается, ради чего надо Макс становился на дыбы и гнал родителей прочь из дому?

- Макс, а ещё кто-нибудь будет? – на всякий случай поинтересовался я.

Макс непонятливо захлопал глазами, потом замотал голо-

вой.

- Макс, выйдем-ка на пару слов.

Он подскочил. Мы прошли в кухню.

- Ты издеваешься? Чего мы сидим всухую?

Макс смутился:

- Я предложил девчонкам вина, ещё когда тебя не было, но они отказались.

- Приехали! Да мало ли, что они отказались! Предлагать надо лучше. А у тебя только вино? А то я как-то не очень...

- Угу.

- Ну ладно. Как говорится, на безрыбье... Тащи вино. А то мы там сейчас все зачухнем.

Макс достал из шкафчика бутылку «Киндзмараули».

- Ну... мне разрешили взять только эту, но там ещё есть папин коньяк, полбутылки.

- Так чего же ты молчишь? Доставай коньяк. Вино для дам. А мы с тобой по коньячку ударим. А бате скажи, что неожиданно много гостей пришло.

Макс, собственно, и не думал спорить.

Спрашивать девчонок, будете-не будете вино, я не стал. Разлил по бокалам, нам плеснул коньяку, встал, как полагается, двинул тост:

- За именинника!

Коньяк опалил глотку, а затем тепло разлилось в груди. И сразу как-то веселее стало. Макс же, бедняга, зашёлся кашлем.

Сагидзе обмакнула губы и отставила бокал.

- Что ещё за фокусы? До дна давай! Это неуважение к нашему имениннику, - само собой, я глумился. Но Сагидзе с перепугу припала к бокалу и по глоточку выцедила всё до капли. Хорошо, хоть Алёнку уговаривать не пришлось.

Понятно, что неблагородно спаивать непьющих, но зато не прошло и получаса, как за столом воцарилось если не веселье, то оживление. Даже Сагидзе разговорилась. А через час так вообще хорошо стало.

А ещё чуть погодя Макс начал выступать:

- Олег, ты мне глаза открыл! Я теперь всё вижу, всё понимаю. Они думают, мною можно пользоваться, ноги об меня вытирать. А фигушки! Этот Мальцев... Он же тупой! Он – ничтожество! Только пусть ещё подойдёт ко мне, я ему всё скажу! Да зачем ждать, пока подойдёт? Я ему и так скажу, сам. Он же меня в четвёртом классе в грязь толкнул, при

Вере Потаниной! То есть при всех. А потом ещё... Ой, да столько всего было! Ну ничего. Я всё ему выскажу, всё, что думаю. Прямо в лоб. Вот прямо послезавтра и скажу. Одного не пойму: что в нём Вера Потанина нашла? Она же такая... а он такой...

Макс на секунду приуныл, но тут же снова вскинулся:

- А зачем до послезавтра ждать? Верно? Я ему позвоню прямо сейчас и по телефону всё скажу.

- Что скажешь-то? – засмеялась Алёнка.

Слава виноделам Грузии! Пара бокалов – и Алёнка прежняя. На щеках заиграли ямочки, в синих глазах блеснул задор.

Я вдруг подумал, может, потому меня к Дубининой так тянет, что в ней столько позитива – хоть раздавай.

А Макс меж тем всю разошёлся.

- Всё! Что он тупой скажу. И что никчёмный. И что говно он! И вообще...

Он и вправду потянулся за телефоном. Его покачнуло. На ногах удержался, но смёл тарелку с недоеденным салатом на пол и опрокинул стул.

- А пусть! Посуда к счастью... Та-ак, где тут у нас Мальцев-Пальцев?

Алёнка попыталась выхватить у него телефон. Но Макс не дался.

Вообще, я бы посмотрел на этот цирк, но Алёнка шепнула:

- Отвлеки его, а я отберу. А то представляешь, что он там наговорит. Ему же потом житья не будет.

Отвлеки! Легко сказать. Не фокус же ему показывать. Так что я ничего лучше с ходу не придумал, как спросить:

- А тебе что, Потанина нравится?

Макс не ответил, но так протяжно и тоскливо вздохнул, что и без ответа все всё поняли. Алёнка метнула на меня укоризненный взгляд. Я в ответ дёрнул плечом, мол, сама просила.

Макс и правда внезапно приуныл. Зато боевого духа как не бывало. А ещё немного погодя ему поплохело. Пока я с ним возился – сам-то он толком ни до уборной, ни до кровати дойти не мог, девчонки убрали со стола, подмели осколки, вымыли посуду.

Заодно меня обсудили – пару раз слышал своё имя, к тому же стоило мне войти, как они тут же замолкали. Выйду – опять шу-шу-шу. Мне вдруг захотелось послушать, что они говорят. Даже на мгновение замер за стенкой, но сразу одёрнул себя – что за чушь?! Пусть что хотят, то и говорят.

Я побродил по квартире, сунул нос всюду, куда только можно. Родители Макса, насколько я знал, занимались наукой. Не то геологией, не то географией, особо не вникал. Как, наверное, и положено в этих учёных кругах, добрую половину квартиры съедали стеллажи, забитые книгами. В отцовском кабинете тоже есть пару книжных шкафчиков, но там книги какие? Коллекционные собрания сочинений в кожа-

ных переплётках с золотыми буквами, причём все выстроены по цвету и по размеру. Никто их не читает, но смотрят-ся красиво. У Макса же книжки были старые, потрёпанные, разномастные.

Мне надоело слоняться, и я решил пойти домой. Хотелось, конечно, поговорить с Дубининой с глазу на глаз, побыть немного наедине, даже досадовал, что Сагидзе от неё ни на шаг не отходила. Но Алёнка как назло засела со своей подругой на кухне, даже дверь затворили.

В конце концов я разозлился и уж было собрался удалиться по-английски, как у Сагидзе запиликал мобильник и она вышла поговорить.

Я всё равно хотел уйти.

«Только попрощаюсь и всё», - сказал себе. Заглянул на кухню.

Алёнка стояла у окна, что она там высматривала – непонятно, потому что на улице давно стемнело и в стекле виднелся лишь её силуэт. Меня она, конечно же, увидела в отражении, но не обернулась. Даже с порога я почувствовал, как она напряглась. Чуть ли в воздухе не звенело. И, странное дело, это напряжение почему-то передалось мне.

Я забыл о своём намерении всего лишь попрощаться и подошёл к ней сзади. Встал совсем близко, прямо у неё за спиной. Хотел сказать, что ухожу, но вместо этого вырвался какой-то хриплый глухой звук. Мне казалось, я слышу, как стучит её сердце. Или, может, это моё так колотилось? Но, чёрт,

как же от неё хорошо пахло!

Я тронул её за плечи. Она не шелохнулась, наоборот, точно оцепенела. Я же наоборот осмелел. Руки скользнули вниз, обвили талию, притянули ближе. Только обняв её, почувствовал, как она еле уловимо трепетала. Уткнулся носом в её затылок, вдохнул всей грудью запах её волос, её кожи. Этот невозможный, головокружительный запах... Затем, чуть склонив голову, слегка коснулся губами шеи. Она задрожала ещё сильнее, да у меня и самого будто ток по жилам пробежал.

- Алён, - позвала Сагидзе с порога.

Принёс же её черт! Такой момент испортила! Я нехотя убрал руки.

- Мне уже пора, – сказала Сагидзе.

- Ну так иди, раз пора, - раздражённо бросил я.

Алёнка украдкой ткнула меня в бок и тихо зашипела. Потом проводила подругу до дверей и вернулась на кухню.

- Зачем ты с ней так грубо? Она и так несчастная.

- Ой, только прошу, не начинай. Я ничего не имею против неё, но почему она такая непонятливая? Нормальные люди в таких ситуациях уходят, не прощаясь.

- Всё равно её жалеть надо, - произнесла Алёнка, глядя на меня во все глаза, и я видел, что думала она в этот момент совсем не о своей несчастной подруге.

- Я жалею, - прошептал я в ответ, медленно приближаясь

и тоже не сводя с неё глаз. – Очень жалею.

Она отступила на шаг, но затем остановилась, а когда расстояние между нами осталось всего в один вздох, закрыла глаза.

Мы целовались в тёмной кухне с таким упоением, что не слышали, как отворилась входная дверь, как кто-то шумел и переговаривался в прихожей. Вдруг вспыхнул свет, и мы испуганно отпрянули друг от друга.

На пороге стояли родители Макса в состоянии, близком к шоку, и таращились на нас.

- Здрасьте, - выдохнули мы с Алёнкой почти в унисон.

- А где Максим? – спросила испуганно его мать.

- Спит.

- А он...один?

Тут я еле сдержался, чтобы не расхохотаться. Она что, сына своего не знает? Но матери Макса, очевидно, было не до смеха.

Она обошла всю квартиру с ревизией, конечно же, нашла пустые бутылки из-под вина и коньяка, ничего не сказала, но все невысказанные слова явственно читались на её лице. Поэтому мы с Алёнкой поскорее сбежали.

Мы, конечно, смутились – как-никак нас застали врасплох, но стоило выйти на улицу, как оба, не сговариваясь, расхохотались. Да так, что остановиться не могли. Потом я проводил её до дома. И, пока шли, ещё раза три на нас напали приступы хохота.

На этот раз Алёнка в гости не звала, но зато в её подъезде целовались до изнеможения, еле-еле оторвались друг от друга... Договорились завтра сходить в кино, урвать последний день каникул.

Но не сложилось...

С утра Алёнка позвонила и сказала, что мать загрузила её по дому. Заставила отрабатывать за вчерашнее. Наказание трудом за вино, которое, мол, Алёнкина мать учуяла с порога. Так что облом.

Моя мама тоже наверняка двинула бы лекцию о вреде пьянства, если бы узнала про коньяк. Но с недавних пор я как будто существую сам по себе. Иногда даже хочется что-нибудь этакое отчебучить – только затем, чтобы посмотреть, заметят ли это родители. Казалось бы, радоваться надо. Свобода, все дела... А мне как-то не по себе. То ли от обиды, то ли просто тревожно.

Правда, с Алёнкой я отвлёкся от всех этих унылых дум. Жаль только, что не удалось сегодня встретиться, зато на ночь глядя мы проболтали по телефону целый час. И я уснул в приподнятом настроении, невзирая на то, что завтра – понедельник, школа, учёба и прочая канитель.

Собирался я неторопливо, с расчётом прийти ко второму уроку. Первый – биология – вообще тоска. Тем более самое начало четверти, так что биологичка ещё сто раз успеет достать своими тычинками и пестиками. В общем, решил не ходить.

Раньше подобные номера у меня не прокатывали, мать строго следила, чтобы я и на пять минут не смел опоздать. А сейчас – вольница.

Я лениво прошлёпал на кухню, где, к немалому удивлению, обнаружил отца. Обычно в семь его уже и след простыл, а тут без четверти восемь, а он преспокойно сидит за столом, жуёт бутерброд с ветчиной.

- А ты чего не на работе? – Я аж опешил, до того редкое это было зрелище.

- А ты чего не в школе? – парировал отец.

- Мне ко второму, у нас биологичка заболела, - глазом не моргнув, соврал я. – А ты...

- А я вот дома сегодня поработаю. Юра мне должен скоро документы подвезти.

Минут через двадцать к нам и правда заехал отцовский водитель и всучил отцу какие-то папки. Они перекинулись парой фраз, и дядя Юра заторопился по делам.

- Иваныч, подкинь моего охламона до школы, если тебе

по пути. А то он, гляжу, и не торопится, - попросил отец.
- Какой разговор, Сан Саныч. Пошли, Олежка. Доставлю тебя в храм науки в лучшем виде.

Я, понятно, не возражал. Хотя до школы всего минут десять быстрой ходьбы, но прокатиться на отцовском мерине в любом случае приятнее.

На самом деле мерседес был не его личный. Говоря по правде, у отца и прав-то никогда не было. Он у нас исключительно пешеход и пассажир, самого же за руль и под дулом не загонишь.

Вообще-то, батя у меня отличный мужик, в некоторых вопросах очень даже продвинутый, но кое в чём – настоящий ретроград. Есть у него несколько странных пунктиков. Боязнь вождения – один из них. «На дорогах такая суета! – восклицал он всякий раз, когда мы его уговаривали пойти выучиться на права. – Я в этой суетолоке просто не смогу никуда ехать».

Хорошо хоть, ему по статусу положен автомобиль с водителем, и все мы, то есть я и мама, в случае острой необходимости этим пользуемся. Правда, отец давал машину нехотя – это же служебный транспорт! Нехорошо, мол. А тут вон сам предложил.

Дядя Юра подвёз меня к воротам школы, и оказалось, что не я один решил прогулять биологию. У входа топтался Мальцев со своей свитой.

Первой меня заметила Голубевская. До меня донеслось:

«Звезда...» Или послышалось?

Затем все как по команде повернулись в мою сторону. Девчонки пялились оценивающе, Мальцев – я бы сказал, заинтересованно. Сачков явно беспокоился. Яковлев неумело скрывал недовольство, хотя что нам делить? Или, может, он за тот замес в уборной зуб на меня заточил? И только у Вилева эмоций – ноль. По затуманенному взгляду казалось, что он вообще в прострации. Или под кайфом.

И тут случилось неожиданное. Пока я поднимался на крыльцо, Мальцев вдруг шагнул вперёд и протянул руку. Даже подобие улыбки выдавил. Не то чтобы я горел желанием с ним здороваться, но и причин игнорировать тоже не нашлось. Да и на рожон лишний раз лезть не хотелось.

- Отец? – спросил Мальцев, кивнув в сторону стоянки, откуда минуту назад газанул дядя Юра.

- Водитель отца.

- А-а, - протянул он с неким подобием уважения.

- А кто у нас отец? – вклинилась Потанина.

- Решетников Александр Александрович. Или тебе его биографию рассказать?

Потанина хихикнула, будто не заметила, что я не слишком-то вежлив.

- Потом расскажешь. А работает-то кем?

- Ну, допустим, директором.

- А где?

Вот же привязалась!

- В Ростелекоме.

- Верка, что пристала к человеку? - подала голос Голубевская. – Прямо допрос устроила. И вообще, я уже замёрзла, пойдёмте в школу.

Голубевская демонстративно поёжилась, но тут же расправила плечи и горделиво прошествовала к дверям. Я двинулся за ней, следом потянулись и остальные.

- Что, тоже решил забить на биологию? – бросил мне в спину Мальцев.

- Да что я там забыл.

- И правильно, - поддакнул он.

В вестибюле было пусто, даже охранник куда-то делся со своего поста.

Мы прошли в гардероб. Окошко оказалось закрытым. Сачков постучал – тишина. Постучал ещё раз, громче.

- По голове себе постучи, - гаркнула гардеробщица.

Щёлкнул замок, и в окошке появилась свирепая физиономия.

- Почему опаздываем? Урок давно идёт...

- И чё? – возмутился Яковлев. - Ваше дело куртки брать.

- И правда, ещё бы какая-то гардеробщица нам нотации не читала! - фыркнула Голубевская.

- Вы, значит, приходите, когда вздумается, а я тут бегай вас обслуживай? А вот фиг вам!

И окно закрылось.

- Не, вы это видели? – у Голубевской даже лицо вытяну-

лось. – Эй, бабуля, алё! Уснула, что ли?

Но та упорно молчала. Не реагировала ни на слова, ни на стук.

- Давайте вынесем ей окно, - предложил дурачок Сачков.
- И что? А одежду кто примет? Может, ты?
- А-а, открывай давай, дура старая! – Сачков со всей дури так забарабанил по пластиковому окошку, что затряслась вся стена.

Хлопнула дверь, и из-за угла на нас бросилась гардеробщица, размахивая веником:

- Я тебе постучу! Я тебе сейчас так постучу!
Девчонки, взвизгнув, отскочили в сторону и тут же пока-
тились со смеху. Гардеробщица носилась за Сачковым, как
бравый вояка с шашкой наголо. А тот кружил и петлял меж-
ду зеркальными колоннами, делая вид, что ему страшно. Ко-
рооче, работал на публику, как обычно, дразня бабулю.

На нас бабка внимания не обращала, но девчонки при её
приближении каждый раз вскрикивали и прятались. Потани-
на – за спину Мальцева, Голубевская – за меня. В очередной
раз она прильнула совсем близко и прошептала мне на ухо:

– Вот бешеная! Выложу вечером на Ютуб.

Яковлев тоже снимал этот цирк и даже комментировать
умудрялся:

- Вот так погоня! Ещё немного... сейчас его настигнет
страшный веник... но нет... ушёл... ловкий манёвр... заход

справа...

И вдруг раздалось грозное:

- Что здесь происходит?!

Мы, увлечённые зрелищем, не заметили, как сзади подошла завуч, Ирина Борисовна. Это с ней мать договорилась, чтобы меня приняли в школу. Какие у них отношения, я не в курсе, но при мне они называли друг друга по именам, без отчеств. В первые дни мать меня так и наставляла: «Смотри, не подведи меня и Иру».

Обычно невозмутимая как слон, сейчас Ирина Борисовна негодовала так, что её аж потряхивало:

- Издеваться над старым больным человеком... над женщиной... молодцы! Ничего не скажешь. Где у вас совесть? Вы ведь не несмышлёные детишки, взрослые уже, понимать должны. А если над вашими матерями и бабушками вот так же изгаляться будут?

- Да что мы такого сделали-то? – враз запричитали Голубевская и Потанина. – Мы пришли, хотели сдать одежду, а гардероб закрыт. Толик... Толя Сачков постучал, а она вон с веником выбежала...

- Постучал он! - вскинулась гардеробщица, у которой после десяти кругов даже дыхание не сбилось. Только платок съехал набекрень и с одной стороны выбились седые пряди. – Он мне чуть окно не выломал.

- Нормально он стучал!

- Дурой старой обозвал, - жаловалась гардеробщица.

- Не было такого! – вытаращила глаза Потанина.

- Что вы выдумываете? – подхватила Голубевская. – И вообще, вы его веником побили, а бить детей – преступление.

- Да я его даже не задела!

- Кто кого бил и обзывал, ещё разберёмся, а сейчас скажите-ка мне, одиннадцатый «А», почему вы пришли так поздно? Урок уже вот-вот закончится, а вы только раздеваетесь.

Только я собрался покаяться, что проспал, разумеется, нечаянно, как Потанина выпалила:

- Так у нас нет первого урока.

- Как это нет? Что у вас по расписанию?

- Биология, - ответила она, чуть поколебавшись, но тут же уверенно добавила: – Чиби́сов сказал, что биологии не будет. Правда ведь?

Последнее относилось к нам. Я опешил, а остальные с готовностью подхватили её версию:

- Да, Ирина Борисовна. А что, разве это не так?

- Разумеется, не так.

Она даже гневаться перестала от удивления: ещё бы, гордость школы Макс Чиби́сов – и организованный прогул!

Да, если честно, я сам от заявления Потаниной онемел.

- Ладно, будем выяснять. Сейчас раздевайтесь и после уроков все ко мне. Вместе с Чиби́совым.

Только она скрылась, ко мне подлетела Потанина:

- Олег, поговори с Чиби́сом! Предупреди его.

- А почему я? Твоя была идея, ты и предупреждай. Какого

чёрта ты его вообще приплела?

- Вообще-то, я для всех старалась. И тебя тоже, между прочим, отмазала, - обиделась она. – А Чибис у них любимчик. Что ему будет?

- Она права, - вмешался Мальцев. – Чибису ничего не сделают, а вот у нас уже залётов дофига. И тут, считай, прогуляли и старуху довели. А если мы как бы не при делах, то, значит, старуха сама виновата, что забыковала и не взяла у нас одежду.

- А ничего, что мы его типа подставили?

- Да не переживай ты так, - теперь уж Голубевская подключилась. – Ничего нашему Максику не будет. Учителя его любят. Пусть он скажет, что перепутал. Умные часто бывают рассеянными. Ну-у, Олег... Ну не говорить же нам теперь, что мы ещё и Ирине соврали. Тогда нам точно всем труба.

- Ладно, - буркнул я. – Но сами с ним договаривайтесь.

Однако договариваться пришлось всё-таки мне. Потанина насела, что их он не послушает, а меня послушает. Не мог же я ей сказать, что для неё он как раз что угодно сделает. Да и к тому же поразмыслил и решил, что пусть уж лучше Макс узнает «новость» от меня, чем от других.

Поговорить удалось только на третьем уроке.

Пока я собирался с мыслями, Макс сам повёл разговор в нужное русло:

- А ты чего на биологии не был?

- Проспал. Понимаешь... тут такое дело... помощь твоя

требуется...

- Да, конечно, какой разговор! Что нужно?

Я и выложил всё, как было. Я готов был выслушать, что это всё нехорошо и даже подлю, но он тут же улыбнулся и кивнул:

- Хорошо, я что-нибудь придумаю.

Только мне от этой его отзывчивости стало ещё поганее на душе. И я невольно стал оправдываться.

- Макс, понимаешь, Потанина сказала, что у тебя авторитет среди учителей. Тебе за это ничего не будет. И, потом, ты можешь сказать, что не специально. Забыл или перепутал.

- Да всё нормально.

После шестого урока мы собрались возле учительской. Думали, Макс быстренько подтвердит нашу версию – и мы свободны. Но Ирина Борисовна потянула нас к директору и там устроила допрос по полной программе.

Макса, бедного, совсем заклевала. Как перепутал? С чем перепутал? Почему нам сообщил, а остальным нет? Почему сам на урок пришёл? Вспомнил? Почему, если вспомнил, не предупредил нас? Так и норовила загнать его в ловушку. Но Макс держался молодчиной, отвечал вяло, но ни разу не сбился, не поколебался. И хотя концы с концами вполне сошлись, Ирина Борисовна смотрела на нас так, будто, наоборот, уличила во лжи. Впрочем, своё мнение она оставила при себе и отпустила нас домой даже без «родителей в школу».

Из школы брели молча. Не знаю, как Макс, а меня совсем

не тянуло на разговоры. На душе было муторно. Ещё и Дубинина с Сагидзе в школу не пришли.

Алёнку я несколько раз набирал, но натыкался на *«абонент недоступен или находится вне зоны действия сети»*. С уроков ни та, ни другая ни разу не сбегали. Ну не заболели же обе враз. А ведь накануне вечером мы созванивались, договаривались в школе встретиться...

- Макс, ты сейчас куда?

- Домой, - он захлопал глазами и даже как будто насторожился.

- Слушай, давай к Дубининой сходим. А то её сегодня не было. И телефон у неё отключён.

- Давай, - с готовностью согласился Макс.

Но сходили впустую. Дверь никто не открыл.

- Куда она делась? – негодовал я.

Не то чтобы я скучал по ней или сильно переживал - слишком мало времени прошло для тревоги, но подобные непонятности меня всегда выводят из равновесия.

После тренировки я снова смотался к Дубининой и опять зря. Телефон она тоже так и не включила. Это уж совсем ни в какие ворота! Я уже не знал, что и думать. Вот теперь я встревожился по-настоящему.

Я присел на лавку возле её подъезда, раздумывая, куда она могла запропасться. По значным местам и всяким клубам она, слава богу, не ходила. Она сама говорила, что у неё всё

строго по расписанию: дом – школа, дом – школа – вот и весь её маршрут.

Разве что у своей подружки могла зависнуть, но не весь же день у неё торчать. Но я бы даже и до Сагидзе сгонял, если бы знал её адрес. Или хотя бы телефон. Попробовал у Макса выяснить, но и тот не смог помочь.

Я уж собрался уходить, когда из тени куцых тополей вынырнули знакомая оранжевая куртка и красная шапка с помпоном. Я даже сразу повеселел, но решил-таки отыгаться за Алёнкино молчание, за то, что мне пришлось перенервничать, столько времени потерять, продрогнуть и вообще носиться за ней весь день, как мальчик на побегушках.

Я притаился у подъезда, в кустах акации. Пришлось согнуться в три погибели, чтобы Алёнка меня не заметила. Хотя она шла торопливо и по сторонам не смотрела.

Когда она остановилась возле подъезда и стала рыться в сумке, ища ключи, я неслышно подступил к ней сзади, ткнул пальцем между лопаток и рявкнул:

- Кошелёк или жизнь!

Она вскрикнула и выронила сумку. Потом повернула ко мне искажённое ужасом лицо, и только в этот момент до меня дошло, какой я болван. И шуточка моя из разряда идиотских.

- Прости, я – дебил! - я наклонился, подобрал её сумку, протянул ей.

Она уткнулась мне в грудь и горько зарыдала.

- Ну, не плачь. Шутка дурацкая, конечно, но я не хотел тебя напугать!

Дубинина пыталась что-то сказать, но сквозь рыдания вырывались лишь нечленораздельные звуки. Неужели она так сильно перепугалась? Я хотел поцеловать её, но она отстранилась. Наконец я разобрал: Нина... Нина...

- Алёнка, ну всё, кончай реветь. И при чём тут твоя Нина?

- Её больше нет, - выдавила она.

- В смысле, нет? – не понял я.

- Её машина сбила. Позавчера, ну, когда мы... у Макса...

Она возвращалась домой и... Это я виновата.

- Как так? Стой, но ты-то с чего виновата? – у меня самого голос стал хриплый, будто чужой.

Смерть человека, которого ты хорошо знаешь, всегда ошеломляет чрезвычайно. Теперь мне стало вдвойне неловко за свою нелепую шутку.

- Она не хотела идти к Максиму на день рождения. И мама её была против. Это я уговорила. Их обоих. Обещала, что всё хорошо будет. Я же знала, что ты там будешь. Из-за тебя хотела пойти к Максиму, а одна стеснялась...

- Постой, ты же не могла знать...

Алёнка отчаянно замотала головой:

- Я должна была её проводить! Должна была. А я...

И Алёнка завывала так горестно, так безысходно, что и меня пробрало насквозь.

На следующий день о смерти Сагидзе шептался весь класс. Даже Сачков – на что уж ушлёпок – и то конфузился. Как-то всем стало неуютно в душе, будто насмешки и издёвки над ней отчасти привели к такому печальному исходу. С подачи классной скинулись, кто сколько мог. Деньги передали Алёнке, чтобы та отнесла их матери Сагидзе.

В вестибюле, рядом с расписанием, вывесили её фото с траурной лентой на уголке. Меня и Алёнку допрашивали, но без нажима. Да что с нас взять? Ничем помочь мы не могли. Оказывается, гад, что её сбил, скрылся и единственный свидетель – престарелый собачник, выгуливавший пса, видел только, что тачка неслась на огромной скорости и даже не притормозила. А что за тачка – и приблизительно не мог сказать: «В марках не разбираюсь, а цвет тёмный».

До самых похорон Алёнка не появлялась на занятиях. Помогала семье Сагидзе. А в день, когда Нину хоронили, с уроков отпустили весь класс. Специально никого в ритуальный зал не звали, но Ирина Борисовна сказала, что каждый, кто пожелает, может прийти и попрощаться.

Прежде я ни разу не был на похоронах. Когда умерла бабушка, я ездил на соревнования. И, признаться, в душе радовался, что так совпало. Я не мог представить бабушку, энергичную, хлопотливую, даже непоседливую, мёртвой. Не хо-

тел её такой видеть и запоминать. А может, и боялся.

Вот и Сагидзе, с которой встречались всего несколько дней назад, я тоже не представлял мёртвой. Это казалось какой-то нелепой ошибкой. И, откровенно говоря, мне совсем не хотелось идти с ней прощаться. Но вопрос, идти или не идти, в классе даже не обсуждался. Так что и мне никак было не отвертеться. Да и Алёнку стоило поддержать. Её аж пошатывало – то ли от горя, то ли от чувства вины, которое она упорно взращивала в себе, как я ни старался её переубедить.

У входа в ритуальный зал всех встречала Ирина Борисовна.

- Пойдите здесь, там ещё не готово. И не шумите. Будьте людьми.

Хотя никто и так не шумел.

Ждать долго не пришлось, минут через пять двери в зал распахнулись. И все потихоньку стали входить. Я плёлся в самом хвосте, желая одного: скорее бы всё закончилось.

В зале стоял полумрак и отчего-то пахло воском, хотя зажжённых свечей, то есть вообще свечей я не обнаружил.

Наши облепили стены по обе стороны от входа, только Ирина Борисовна и Яковлев с венком в руках прошли на середину зала, где на чёрном каменном помосте возвышался гроб. Возле гроба на стульях сидели грузная женщина, вся в чёрном, и четверо пацанчиков, один другого меньше. Они жались к матери и друг к дружке, как воробышки, при этом неустанно стреляя по залу круглыми чёрными глазёнками.

Распорядитель велела отключить сотовые и, встав в изголовье гроба, произнесла совсем коротенькую речь о том, какая это невосполнимая утрата. Скупое и официально. Может, так и положено? А потом предложила подойти и попрощаться с покойницей.

И тут я запаниковал. Все цепочкой обходили вокруг гроба, и меня несло как по течению. Хотелось зажмуриться, лишь бы не видеть мёртвое лицо, которое так и стояло перед глазами живым. Но я взглянул и даже удивился: казалось, она просто спала...

После смерти Сагидзе наши отношения с Дубининой не то что разладились, но как-то тихо сошли на нет. Мы не ссорились, при встрече здоровались, иногда болтали о том о сём, но ничего более. Любые мои поползновения она деликатно отвергала. Куда бы я её ни звал, неизменно находила причину, чтобы отказаться.

Всего раз мне удалось вытянуть её погулять. И то с трудом. Мы просто бродили по улице и по большей части молчали. Я раздражался, что она такая, не улыбнётся, не ответит нормально. А потом ещё и Руслана Богатырёва встретили.

Этот урод оглядел Алёнку с ног до головы, скривился, да ещё и фыркнул. Я рванул было к нему, но Алёнка вцепилась мне в локоть и упростила оставить его в покое:

- Олег, не трогай его, пожалуйста. Пускай что хочет, то и думает. Нам плевать.

Плевать-то плевать, а всё же он подгадил. Я и раньше видел, как убого одевалась Алёнка, но старался не обращать внимания. Теперь же куцая, сто раз штопанная куртка и потёртые на носках ботинки прямо лезли в глаза. Я никогда и никому в этом не признался бы, но в тот момент устыдился её вида. А после того раза стал всё чаще ловить себя на этой мысли. Я злился на неё за то, что она не пытается даже выглядеть чуть красивее, а ведь могла бы. Злился на себя, по-

тому что ненавижу стыдиться, но не мог избавиться от этих стрёмных мыслей.

В школе мы общались с ней мало, и получалось как-то натужно. Но и когда мы оставались наедине, всё шло как-то комом. Она и сама напрягалась, и меня напрягала.

А однажды и вовсе выдала:

- Если бы не ты, не знаю, как бы я перенесла смерть Нины... Но, если бы не ты, она была бы сейчас жива.

Правда, тут же сообразила, какую сморозила глупость, и принялась извиняться. Я вроде и не рассердился, но, как говорится, осадочек-то остался.

В другой раз мы сидели в её комнате – она на диване, обхватив колени руками, я за столом, на разболтанном стуле-вертушке. Вообще-то, в гости к ней я захаживал нечасто, но тогда возник повод: у Алёнки полетел Windows, и она попросила меня переустановить операционку. И тут она снова завела свою песню:

- Мне всё время плохо, постоянно, каждый день и час. Депрессняк какой-то навалился, ничего не могу поделать. Прямо жить не хочется...

- Ого, ты загнула! С чего бы тебе жить-то не хотеть? – я крутанулся на стуле.

- Ты знаешь, я всё думаю о Нине, простить себе не могу. В тот вечер я ведь сама хотела, чтобы она поскорее ушла. Хотела остаться с тобой...наедине...Хотела быть с тобой...

Меня тотчас бросило в жар.

- И самое ужасное, что, случись всё снова, я бы не смогла... остановиться. Я бы опять осталась с тобой...

Ну что это, как не намёк? Я пересел к ней, приобнял, но стоило склониться, как она извернулась и соскочила с дивана.

- Олег, я не могу! Ты прости, - пролепетала она, пряча глаза. – Не могу, и всё тут. И даже не знаю, смогу ли вообще когда-нибудь.

Я молча сделал ей комп и ушёл. Конечно, раздосадованный. Да, в конце концов, сколько можно ковыряться в переживаниях: виновата – не виновата, могу – не могу? Мне тоже жаль Сагидзе, очень. Но жизнь-то продолжается! И её всё равно не вернёшь.

Проходя мимо супермаркета, вспомнил, что мать просила купить батон. Я завернул в хлебный отдел и нос к носу столкнулся с Голубевской. За её спиной семенила Потанина.

- О! Какие люди! Сплошные звёзды, а не люди, – улыбнулась Голубевская.

- Привет, Олег, - выглянула из-за плеча подруги Потанина. – А мы тут закупаемся.

Их тележка и правда была доверху набита всевозможными упаковками, банками, брикетами.

- В пятницу, ну послезавтра, у меня будет вечеринка, - приветливо улыбнулась Голубевская. - Предки уедут на дачу, с ночёвкой... Будут только наши. И ты приходи.

Вот так неожиданный поворот! Я даже слегка растерялся.

- Ну, не знаю. У меня в пятницу тренировка.

Мне показалось, Голубевская как-то сразу сникла. Огорчилась? Но с чего бы? Или уязвлённое самолюбие? С таким апломбом, как у неё, она вполне могла рассчитывать, что я от радости станцую прямо на месте.

- А до какого часа у тебя тренировка? – подхватила Потанина.

- До семи.

- Так и мы в семь собираемся! Приходи после тренировки. Ничего страшного, если немного опоздаешь.

- Я подумаю, - пообещал я.

«Подумаю» - оптимальный вариант во всех отношениях. Во-первых, чтобы отстали (я терпеть не могу, когда меня уговаривают). А во-вторых, кто его знает, вдруг и в самом деле возникнет желание развеяться? И, опять же, есть куда отступить – на случай, если всё-таки не захочется.

На том и порешили. Я взял с полки батон и направился к кассе, когда Голубевская окликнула меня по имени:

- Олег! Слушай, а ты не поможешь нам сумки донести? Тут недалеко.

Помочь-то я помог, но всем своим видом показал ей, как мне этого не хотелось делать. Нечего думать, что она – королева и все вокруг счастливы услужить ей.

На выходе из супермаркета они распрощались с Потаниной, и я притворился, что не заметил их шифрованных ужимок. Да мне, признаться, было и неинтересно, о чём они тай-

ком переговаривались, даже если это связано со мной.

К счастью, Голубевская и правда жила в двух шагах от супермаркета. Но плелись мы еле-еле: сапоги у неё, видите ли, скользкие, каблуки высокие.

Меня её общество почему-то тяготило, хотя она щебетала без умолку. Так что, едва мы подошли к подъезду, я всучил ей фирменный пакет, не такой уж и тяжёлый, между прочим.

- До квартиры сама дойдёшь, ладно? А то мне некогда.

- Да, я на лифте. Спасибо, Олег! Пока...

- Адъёс.

И я потопал домой, с батоном под мышкой. А вечером позвонила Алёнка, поблагодарила за комп. Голос звучал винновато, и я сразу воспрянул духом, однако, стоило мне позвать её в кино или хоть бы просто погулять, она тут же свернула разговор: не могу, не сейчас, как-нибудь потом.

Тьфу. Как меня это уже достало!

На следующий день ко мне снова подкатила Потанина, теперь уже с Мальцевым. Опять завели тему насчёт вечеринки, и я согласился. Да потому что надоело стучать в закрытую дверь. Если Дубининой нравится смаковать свой сплин, пусть смакует, но без меня.

- Только давайте я и Макса с собой прихвачу? – предложил я.

- Зачем? – удивились оба совершенно искренне.

- Нет, ты, конечно, можешь его взять, - усмехнулся Мальцев, - только он там будет... как бы сказать... не в тему. Он что, заядлый тусовщик? Мы же хотим оторваться, бухнуть, все дела, а не уроки вместе делать.

С этим сложно было поспорить. Я поразмыслил и решил, что звать его не стану. Он и правда категорически не создан для подобных мероприятий. И, потом, я помнил, как он разбушевался всего-то с напёрстка коньяка. Мало ли что он мог ещё учудить, тем более в компании своего раздражителя.

Правда, было немного не по себе, когда Макс после школы поинтересовался, о чём я говорил с Мальцевым и Потаниной.

- Да так, о всякой ерунде, - замялся я.

Так что я согласился пойти к Голубевской без Макса, взяв с них слово, что он об этом не узнает. Просто он так напря-

гался, стоило мне с Мальцевым хоть словом переброситься. Понятно, что я не обязан перед ним отчитываться, я даже сам на себя злился за такое малодушие. Но всё равно

К Голубевской я опоздал на час с лишним. Уйти с тренировки раньше, хотя бы на пять минут, с нашим Палычем вообще нереально. Ну и пока заскочил домой, пока ополоснулся и переоделся – не в трениках же идти, как-никак там не гоп-стайл вечеринка, – был уже девятый час. Сотовый устал звонить, когда я наконец ответил.

- Олег, ты где потерялся? Мы тебя ждём, ждём. Ты же говорил, после семи будешь... – затараторила Потанина.

- Да иду уже, – буркнул я и сбросил.

Сразу после неё позвонил Макс. У меня с досады даже зуб заныл. Вот что ему сказать? Он же спросит, что делаю, куда собираюсь... Лучше вообще не брать трубку. Зная манеру Макса звонить до победного, я на всякий случай отключил телефон.

Заглянул в родительскую спальню предупредить, что вернусь поздно, и застал идиллическую картину: оба – и мать, и отец – дремали на диване, в обнимку. Вообще, странности их поведения почти вошли в привычку. Может, у них кризис среднего возраста или ещё что-нибудь в том же духе?

Голубевская жила на последнем, семнадцатом этаже. Точнее, на двух последних.

- Второй ярус у нас ещё в стадии ремонта, мы недавно эту квартиру купили, - сообщила она, заметив, что я уставился на винтовую лестницу в прихожей. Затем, одарив меня улыбкой Моны Лизы, добавила: – Молодец, что пришёл.

Выглядела она потрясно – в чёрных атласных шароварах и серебристой маечке с открытой спиной. Я аж присвистнул.

Вся компашка – отсутствовал только Дота – расположилась в огромной гостиной. Сидели кружком, прямо на полу, на белом длинноворсовом ковре, потягивая Asahi. В середине – чёрный столик на коротеньких ножках. Закуска соответствующая: суши да роллы. Я сразу приуныл. Потому что после тренировки проголодался так, что все внутренности выли. Дома перекусывать не стал, памятуя о вчерашней тележке Голубевской, доверху набитой продуктами. Так что я никак не рассчитывал нарваться на эти финтифлюшки, тем более японскую кухню не люблю абсолютно. Рису я всегда предпочту картошку. Сыру – колбасу. Морепродуктам – мясо. Про сырую рыбу и водоросли вообще молчу.

- У вас тут что, japan party?

- Ну, что-то типа того..., - улыбнулась Голубевская.

- Предупреждать надо.

Улыбка тотчас угасла.

- Тебе не нравится?

- Не, всё супер. Но будет ещё лучше, если ты сделаешь мне бутер с колбасой.

- Наташка, на меня тоже сделай, - попросил Мальцев.

- И на меня, - присоединился Сачков.

Она засмеялась. Уплыла на кухню.

- Ничего вы не понимаете, - изрёк Яковлев, ловко цепляя палочками чёрно-белую загогулину. – Суши – это м-м-м... пища богов. Вот мы когда в Японии с предками были...

Слушать его я не стал, а решил осмотреться. Сунулся на кухню, где хозяйка нарезала копчёную колбасу.

- У тебя апартаменты норм такие. Устроишь экскурсию?

- А как же бутерброды?

- Ну а куда они денутся? – И я протянул ей руку.

Она чуть поколебалась, но взяла меня за руку. Пальцы у неё были холодные, почти ледяные, что странно – тепло ведь дома, даже жарко.

- Здесь папин кабинет, - она распахнула дверь в небольшую комнату с массивной мебелью под старину. Правда, я в таких вещах мало смыслю, может, и правда там был настоящий антиквариат.

- Там родители спят, а здесь живу я.

Её комната оказалась полной противоположностью отцовского кабинета. Сплошь чёрное стекло и металл. Тёмно-серый, с хаотичными разводами диван, и чуть светлее – шторы. Ковёр – под зебру. Обои белые, с чёрными абстракциями. Фото и постеры на стенах и те чёрно-белые.

- У тебя здесь прямо пятьдесят оттенков серого.

Голубевская хихикнула.

- А ты читал?

- Вот ещё!

Холодные пальцы в моей ладони потеплели. Она повернула ко мне лицо, так близко, что я почувствовал её дыхание. Мы замерли, глядя друг другу в глаза. Ещё бы секунда и... Но в последний момент она отстранилась. Импульс стих.

- Да, мне нравится всё такое... монохромное.

Не спорю, впечатляло. Стильно. Модно. Но... малость смахивало на офис. Сразу вспомнилась Алёнкина комнатка – три метра вширь и столько же в длину. Старая мебель, красно-коричневый ковёр на стене и целый ворох мягких игрушек. Убогонько, конечно, а уютно. Мне у неё почему-то так всегда хорошо. Невольно ощутил укол вины, но тут же вразумил себя: с какой стати? Ну переглянулись. Что такого? Подумаешь. И, потом, Дубинина сама виновата: последнее время меня нещадно динамит. А я что, терпеть должен?

- Ладно, пошли к народу.

- ... И ещё они там постоянно кланяются. Вообще все, - Яковлев как раз заканчивал свою историю про японцев.

- Всё, Тёмыч, ты меня вдохновил. После школы еду в Японию, - объявил Сачков.

- Ты же японского не знаешь, - фыркнула Потанина. – Что ты там делать будешь?

- Кланяться буду.

В гостиную вернулась Голубевская с блюдом в руках, и мы накинулись на бутерброды.

Первым окосел Артём Яковлев – говорю же, эти роллы не закуска, а ерунда. Остальных тоже вскоре развезло. Одна Голубевская смотрела на всех незамутнённым взором и по большей части хранила молчание.

Мальцев ни с того ни с сего ударился в раскаяние:

- Ты это... про тот случай с рефератом по физике забудь.

Непонятки вышли. Мы ж не думали... не хотели...

- Да, не хотели, мы же не знали, что ты – звезда, - вяло хихикнул вконец разомлевший Яковлев.

Мальцев на него беззлобно цыкнул.

- Не обращай внимания. Только всё равно не понимаю, чего ты с этим Чибисом связался...

- А чем он плох? – спросил я с вызовом.

- Да тем, что лох, - встрял Сачков.

Рифму заценили, посмеялись.

- Попридержи язык, нормальный он пацан, - осадил я его, но не зло, больше для собственного успокоения. Не хотелось сейчас конфликтовать ни с кем, даже с Сачковым. И если уж совсем честно, то с ними общаться было интереснее и веселее, чем с Максом.

И тут ко мне привязалась Потанина.

- Пофиг на Чибиса. А вот скажи, ты что правда с Дубининой встречаешься? – спросила она таким тоном, будто большего абсурда в жизни и быть не может.

Я напрягся и, не знаю почему, уставился на Голубевскую. Та смотрела на меня серьёзно и выжидающе.

- А с какой целью интересуешься? – попробовал я увильнуть.

- Просто интересно.

- Нам всем интересно, - поддакнул Сачков.

- Не, серьёзно. Секрет, что ли? – сразу оживился Мальцев.

- Мы вот с Веркой вместе... и не скрываем этого.

Он чмокнул её в висок, точно подтверждая свои слова.

Отвечать не хотелось. Да и что тут ответить? Я сам толком не знал, какие у нас отношения. Не мог разобраться, что я к ней чувствую, чего хочу. Вот с Ингой всё было просто и понятно. То есть не просто, конечно, но понятно, а с Алёнкой – полная неразбериха. Особенно теперь.

- Ну пока у нас просто дружеские отношения и всё, - наконец сказал я.

- Ну и слава богу, - воскликнула Потанина и обернулась к Сачкову: – А ты триндел, что Олег с Дубининой встречается. Вечно мелешь что попало.

- Да все в школе так думают, - начал оправдываться Сачков.

- Все думают, - передразнила его Потанина и с победным видом добавила: – А я сразу говорила, что не мог он на неё повестись.

- Может, сменим тему? - включилась в беседу Голубевская.

Я мысленно поблагодарил её за это. Потому что обсуждать Алёнку было неприятно, и, потом, как бы я ни убеждал се-

бя, что всего лишь сказал правду, всё равно чувствовал себя каким-то предателем...

Разбрелись сильно за полночь, только Потанина осталась. Я тоже засобирался домой, но у дверей меня тормознула Голубевская:

- Олег, можешь здесь переночевать. Мы с Веркой в моей комнате ляжем. А тебе я в гостиной на диване постелю.

Может, я дурак? Потому что никаких весомых причин не пойти домой у меня не было, а я взял и остался. Понятно, что мало радости бежать по темноте да по морозу, но лучше бы я ушёл...

Утром меня разбудили девчачьи голоса. Потанина и Голубевская пили кофе на кухне и оживлённо обсуждали вчерашний вечер.

- Проснулся наконец? Садись с нами. Налить тебе чашечку?

Я поймал своё отражение в зеркальной глади чёрного стеклянного шкафа. Взьерошенный, помятый, ещё и кости ныли, будто под забором ночевал.

- Можно я лучше в душ схожу?

- Ой, да конечно! Сейчас я тебе дам чистое полотенце.

Она принесла белое махровое полотенце размером с простыню.

- Смотри, здесь душ, а если захочешь, можешь ванну наполнить. Вот тут включается гидромассаж, здесь – музыка,

если вдруг заскучаешь.

Я стянул футболку, но Голубевская не уходила. Стояла и нахально разглядывала меня.

- Что? – спросил я не слишком вежливо.

- Да ничего, - улыбнулась она. - Просто ты такой... накачаный...

Не то чтобы я падок на лесть, но стало приятно. Тем более говорила она явно то, что на самом деле думала, – и в тоне, и во взгляде сквозило неприкрытое одобрение. Я даже смутился. Наконец она вышла.

Я скинул плавки и залез под душ, врубив радио. Включая по очереди то холодную, то горячую воду, окончательно взбодрился и из душа вышел уже человеком, а не развалиной. От кофе отказался, поспешил домой.

За всю жизнь я не ночевал дома от силы раз пять, и всегда родители были в курсе. Вчера будить их не хотелось и ещё больше не хотелось вдаваться в объяснения, куда и зачем иду. Решил, что если вдруг они вспомнят о моём существовании и взволнуются, то позвонят на сотовый. И только сейчас меня осенило, что я вчера отключил телефон, когда спасался от назойливости Макса.

Домой я мчался чуть не вприпрыжку, надеясь, что родители не успели начать паниковать. Но увы...

Оказалось, они уже с утра всех с ног на голову поставили, так что когда я появился, то застал дома целую сходку: дядю Юру с женой, Ирину Борисовну, Макса, Алёнку.

В первый миг все уставились на меня в немом оцепенении. А потом началось... Говорили то хором, то наперебой. Мама норовила одновременно обнять меня и стукнуть. Папа всё восклицал, как я мог так поступить с матерью.

- Олег, ты где был? – взяла на себя допрос Ирина Борисовна.

Как же мне не хотелось отвечать!

- У Голубевской, - признался я.

- Кто это? – спросила мама, но никто ей не ответил.

- Ты провёл эту ночь у Наташи Голубевской? – изумилась Ирина Борисовна. – А её родители?

- Их не было. Куда-то уехали, - тихо сказал я.

На Алёнку я не смотрел – не мог. Зато чувствовал на себе её обжигающий взгляд. Я сроду не краснел, но тут и щёки, и уши предательски запылали.

Алёнка пробормотала какие-то извинения и убежала.

Покончив с расспросами, ушла и Ирина Борисовна вместе с Максом, оставив меня на растерзание матери. И посыпалось... Почему не предупредил? Почему не позвонил? Почему не вернулся ночью? Почему? Почему? Почему? Голова пошла кругом. А ведь всего-то навсего сходил на безобидную вечеринку к однокласснице. Но все смотрят на меня так, будто я как минимум в оргии участвовал.

Чёрт-те что! Разругавшись с родителями, ушёл к себе. Попробовал дозвониться до Алёнки, но она упорно сбрасыва-

ла. Тогда я позвонил с отцовского.

- Погоди, не бросай трубку. Ты послушай, а потом можешь думать, что хочешь, - быстро заговорил я, когда услышал её голос. – Я понимаю, как всё это выглядит. Но на самом деле ничего такого не было. Нас там несколько человек было. Мы просто пили пиво и всё. Мне вообще на неё пофиг.

- Мне всё равно, - сухо сказала она. - Так что не надо никаких объяснений.

Меня уязвили не её слова – их можно списать на обиду. И обижаться она была вправе. Но вот её тон... Она это произнесла так, будто ей реально никакого дела. Даже нет, будто я её уже достал до тошноты.

А ничего, что я бегал за ней всё это время, а она только и делала, что отшивала меня? Да и потом, в самом деле, с какой стати я должен перед ней оправдываться? Никаких обещаний я ей не давал. Подумаешь, один раз целовались! Это ещё ничего не значит. Если я начну перед каждой, с кем целовался, оправдываться, то... Меня охватило раздражение.

- Я тоже так считаю. Мы же просто друзья.

- Именно.

- Значит, без обид? А то мне показалось, что ты психанула.

- Показалось.

- Ну и прекрасно.

Ничего прекрасного, понятно, не было. У меня и так настроение резко стремилось к нулю, а после разговора с Алён-

кой, вообще хандра навалилась.

Вечером пришла эсэмэска от Голубевской: «Как самочувствие?».

В другой раз я ей и отвечать бы не стал. Но меня так достало за день, что все – отец, мать, Дубинина, даже Макс – корчили из себя обиженных и демонстративно со мной не разговаривали, хотя, по сути, ничего ужасного я не сделал. Поэтому хотелось с кем-нибудь просто потрепаться по-дружески, и я ей ответил. Через секунду она позвонила, и я принял звонок...

За ночь Макс, видать, оттаял, потому что на следующий день вёл себя как прежде.

- Ну что, больше не дуешься? – спросил я с усмешкой.

Он посмотрел на меня и на полном серьёзе выдал:

- Нет. Я подумал и понял – ты просто не хотел меня обидеть, поэтому и не сказал, что вы там собирались...

- Ты верно понял, - подхватил я, а сам подивился: ну и чудик всё-таки, этот Макс.

- А ты теперь с Голубевской встречаешься? – осторожно спросил он.

- С чего ты взял?

- Она перед уроками рассказывала Вере Потаниной, что вы вчера вечером созвонились и полночи проболтали...

- Полночи? Ну она загнула! Но вообще – да, созванивались.

И тут я невольно посмотрел на Дубинину. Она сидела через ряд, наискосок от меня. Мы с ней даже не поздоровались сегодня. Когда я вошёл в класс, она принялась усердно рыться в сумке и как будто меня не замечала.

- А Дубинина слышала?

- Конечно. Мне кажется, Голубевская нарочно так громко об этом рассказывала.

Я сам понимал, что напрасно злюсь на Голубевскую. Она

ведь не врала, а всё равно еле сдерживался, чтобы не нагрубить ей.

Все уроки я сидел как на иголках. Постоянно поглядывал на Алёнку и думал: вот ведь, за два каких-то месяца она изменилась до не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.